

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. п.
24 Юля.

№ 4

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. СПАСЕНІЕ ИЛИ
ОЧИЩЕНІЕ?

ПРАПОРЩИКЪ УШАКОВЪ. ВЪ ГОРНЫХЪ
ТРУЩОБАХЪ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. ПРАВДА И ЛОЖЬ ВЪ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. ЧТО ГО-
ВОРИЛИ О ДВУХПАЛАТНОЙ И ОДНО-
ПАЛАТНОЙ СИСТЕМЪ ВЪ 1789 ГОДУ.

А. А. ЕВДОКИМОВЪ. КООПЕРАЦІЯ И РАЗ-

ВІТІЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛЪ
СТРАНЫ.

Г. ВІЛЬЯМСЪ. СВОБОДНАЯ РОССІЯ И
АНГЛИЧАНЕ.

ПЕТРЪ РЫССЪ. СОСЛОВНОСТЬ.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢ-
НІЕ.

Н. Н. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б. САВИНИЧЪ. СРЕДИ КНИГЪ.

ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬ-
НОСТИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

Цѣна 30 коп.

СПАСЕНИЕ ИЛИ ОЧИЩЕНИЕ?

За послѣднія двѣ недѣли мы пережили много страшныхъ и грозныхъ часовъ. Казалось, что все рушится, колеблются основы государства, гибнетъ отечество. Возникла опасность всеобщей паники, въ которой уже никому нѣтъ спасенія. И настоящее не принесло намъ полнаго успокоенія, ибо будущее еще темно. Нельзя сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «въ надеждѣ правды и добра впередъ гляжу я безъ боязни». Но будемъ мудры и спокойны. Будемъ мудры въ сознани, что такъ всегда было въ эпоху революцій; будемъ помнить слова Жореса: «Революція есть варварская форма прогресса. Какъ ни была бы она благородна, плодотворна и необходима, всякая революція будетъ всегда принадлежать къ низшей, полуживотной эпохѣ человѣчества».

Въ прошедшіе грозные дни повсюду раздавался кличъ: «спасайте революцію». Была даже сдѣлана попытка образовать правительство «спасенія революціи». Революционный лексиконъ обогатился новой формулой, которая призвана была фигурировать со всѣми этими «аннексіями», «контрибуціями», «интернационалами», «платформами» и прочими «металлами и жупелами»... Господа! Не довольно ли «формуль»? Давайте говорить просто, на простомъ русскомъ языкѣ. Что значить «спасать» революцію и какъ мы будемъ ее спасать?

Пережитые нами грозные дни были продуктомъ революціи. Правда, на одномъ уличномъ митингѣ слышалъ я для нихъ другое объясненіе. «Въ Петроградѣ»—говорилъ какой-то темный человѣкъ—«много буржуевъ, а въ Москвѣ мало. Поэтому въ Петроградѣ беспорядокъ, а въ Москвѣ тихо». Это было, повидимому, нѣкоторое простодушное упрощеніе новой формулы: «грозные дни есть результатъ контръ-революціи». Но довольно лжи: то, что случилось, было послѣдовательно подготовлено русской революціей. Июльскіе дни были днями жатвы, мы жали то, что посѣяли еще весной. И все это случилось потому, что революція наша сѣяла не только доброе сѣмя, но и плевелы. Плевелы начали заглушать жатву—и получилось великое бѣдствіе. Что значить «спасать революцію»? Спасать ли это жатву или спасать вмѣстѣ съ ней и всякій соръ?

Будемъ искренни: сейчасъ мы переживаемъ этотъ болѣзненный моментъ отдѣленія сора. Революція находится сейчасъ въ періодѣ кризиса. Она сама, болѣе или менѣе откровенно, признала, что такъ далѣе итти нельзя, что многое въ ея проявленіяхъ было болѣзненнымъ наростомъ, а не здоровымъ развитіемъ. Но не будемъ ограничиваться полумѣрами: если необходимо очищеніе революціи, производите его рѣшительно. Здѣсь все должно быть высказано и ничего не умолчено. Нужно сказать послѣднія, рѣшительныя слова, полагающія грань всякому возврату къ старому. Иначе вы спасете не то, что нужно.

Многое нужно сказать нашей революціи—много «послѣднихъ», «жестокихъ» словъ. Пусть всѣ они будутъ сказаны теперь, въ моментъ кризиса, когда есть сознаніе ошибокъ и стремленіе къ очищенію ихъ.

И, во-первыхъ, нужно сказать нашей революціи, что съ самаго начала своего развитія вступила она на совершенно пагубную позицію по отношенію къ государству. Хотѣли построить государство не на властвованіи, а на силахъ правственнаго убѣжденія,

на увѣщаніи, моральномъ внушеніи,—какое-то странное толстовское, «непротивленское» государство, съ дѣяющей своей дѣятельностью къ голосованію резолюцій и изданію манифестовъ. Такое предпріятіе есть явное упраздненіе государства, его развалъ. И вотъ оно разваливается,—въ особенности въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ потребность власти наиболѣе остра, какъ армія и судъ. Кто разложилъ нашу армію, какъ не «революція»? Кто упразднилъ судъ, какъ не она же? Что же означаетъ «спасать революцію»?

Во-вторыхъ, нужно сказать русской революціи, что она не создала ничего новаго тамъ, гдѣ нужна была не столько власть, сколько нужны были знанія и умѣніе примѣнять ихъ. Революція не улучшила нашего денежнаго положенія, но даже его ухудшила. Революція не улучшила желѣзнодорожнаго и почтового дѣла, не наладила продовольственнаго вопроса, не уничтожила хвосты, не повысила производительности труда на фабрикахъ и заводахъ, не подняла нашего земледѣльческаго хозяйства и даже едва ли увеличила занашку земель. Что же значить «спасать революцію»?

Въ-третьихъ, нужно сказать русской революціи, что, выступивъ по преимуществу подъ социалистическими лозунгами, она позабыла весь опытъ социализма въ западной Европѣ. Безграничнымъ обѣщаніемъ благъ привлекла она къ социализму всѣхъ тѣхъ, которые и по своему социальному положенію, и по темнотѣ своей, не являются социалистами и не могутъ быть ими. Всѣмъ имъ выдала она вексель на грядущій въ ближайшее время социальный рай,—вексель, который не можетъ оплатить не только нищенская Россія, но и не могъ бы оплатить богатый Западъ. Были позабыты при этомъ всѣ умныя теоріи, утверждающія законмѣрность историческаго процесса, необходимость капиталистическаго развитія, пришествіе социализма при наличности высокаго формъ буржуазнаго строя. Такимъ образомъ русская революція подготовляетъ почву для огромнаго краха русскаго социализма,—краха, который можетъ принять самыя жестокия и неожиданныя формы. Хотимъ ли мы спасти эту сторону русской революціи?

Въ-четвертыхъ, нужно сказать нашей революціи, что, идя подъ знаменемъ интернационализма, она убила въ народѣ здоровое чувство націи. Въ наше время слово «патріотъ» стало ругательнымъ словомъ, какъ было это во времена самодержавія. Но тогда «патріотовъ» считали сторонниками царизма, теперь же они только сторонники Россіи. И оказывается, что стыдно быть патріотомъ. И нація, лишенная національнаго сознанія, начинаетъ распадаться, какъ распадается государство. Со страннымъ равнодушіемъ встрѣчаетъ русскій человѣкъ это распаденіе, думая, что грядущій социальный рай дороже, чѣмъ отечество. Революція русская начала расхищать то, что собиралось тысячелѣтіями. Нужно ли и можно ли спасать такую «революцію»?

Наконецъ, въ-пятыхъ, слѣдуетъ сказать нашей революціи, что она имѣла не только интернационалистическій, но явно нѣмецкій уклонъ. Съ самаго начала стала она бояться, какъ бы намъ не побѣдить нѣмцевъ. Какими-то таинственными средствами удалось ей пустить въ народѣ сѣмя недовѣрія къ Англіи и Франціи. «Не дай намъ Богъ такой республики, какъ во Франціи»—сказалъ мнѣ одинъ уличный собесѣдникъ. И отъ него же я узналъ, что въ «Германіи весь—

порядокъ, отъ нея весь социализмъ». Надо сказать, что это явленіе удивительное, неподобное и почти кошмарное. Тайныя пружины его мы, повидимому, уже нащупали: дѣло здѣсь лежитъ въ прямомъ предательствѣ и шпионажѣ. Будемъ ли мы спасать и эту «революцію»?

Теперь, къ счастью, начали говорить уже не о «спасеніи революціи», а о «спасеніи родины». Конфузливо и невнятно русская революція произнесла, наконецъ, то, съ чего нужно было начать,—произнесла слово: «родина». Но чтобы спасти родину, нужно очистить революцію. И чтобы спасти саму революцію, нужно ее очистить отъ сора. Если не будетъ очищенія и оздоровленія, погибнетъ и родина, и революція.

Очистить революцію это не значитъ ее убить. Это значитъ пробудить въ ней тѣ творческія, дѣятельныя силы, которыя всегда ее вдохновляли. Въдѣ революція произошла не для разрушенія и не для гибели, а для новой жизни. Спасать революцію это значитъ создавать новый государственный строй, ковать новыя социальные формы. А это можно сдѣлать, уничтоживъ въ плебелы революціи. Когда новая свободная Россія встанетъ во всемъ своемъ величій — революція будетъ спасена.

Н. Алексѣевъ.

ВЪ ГОРНЫХЪ ТРУЩОБАХЪ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

I.

Тупая вершина горы поросла тѣмъ видомъ сосняка, которымъ покрыта большая часть вершинъ самыхъ высокыхъ горъ Карпатъ и который слыветъ у солдатъ подъ кличкой «ползучки». По внѣшнему виду, по игламъ, по древесинѣ—это сосна, но растеть эта сосна какъ кустъ, вышиной иногда въ большой, иногда въ средній человѣческой ростъ. Кусты «ползучки» растутъ близко другъ отъ друга. Ихъ толстыя, длинныя и безобразно искривленныя сучья тянутся низко надъ землей и ползутъ по землѣ, переплетаются межъ собой и дѣлаютъ мѣсто, поросшее «ползучкой», непроходимымъ.

Въ кустахъ «ползучки» пробита вверхъ тропа. Кусты прорублены, но мохъ не расчищенъ. Въ толстомъ, вязкомъ какъ болото, мхѣ протянулись крѣпкіе корни «ползучки». Ноги утопаютъ выше колѣна въ грязной, мшистой массѣ и путаются въ крѣпкихъ и цѣпкихъ корняхъ. Ноги утопаютъ, но не вязнутъ. Какъ будто идешь по необыкновенно толстой перинѣ. Тѣло теряетъ точку опоры и потому устоять на ногахъ чрезвычайно трудно. Для того, чтобы шагнуть впередъ, нужно необыкновенно высоко поднимать ногу и нога все-таки путается въ рыхломъ мхѣ и крѣпкихъ нитяхъ корней. А ноги отъ цѣлой ночи подъема ноютъ и болятъ и онѣ какъ будто каменные, какъ будто налиты свинцомъ.

По этой прорубленной тропѣ, по рыхлому мху тянутся вверхъ солдаты. Ихъ лица измучены, ихъ видъ сиръ и убогъ. Ихъ грязныя шинели до пояса сыры. Они опираются на длинныя и короткія кривыя палки, вырѣзанныя изъ той же «ползучки» и ступаютъ впередъ рѣдко и грузно. Уставшія, онѣмѣвшія, не слушающіяся ноги путаются въ цѣпкой сѣти крѣпкихъ корней и солдаты тяжело падаютъ въ сырую и грязную

перину мха, поднимаются и снова лѣзутъ впередъ угрюмо и долго, обдумывая каждый шагъ.

Вверху, у вершины горы, на темно-зеленомъ фонѣ «ползучки», грязное пятно поляны. На полянѣ много солдатъ. Ихъ особенно много около дымнаго костра. Поляна изрыта и изъ грудь взрытой земли вѣется дымокъ.

Грязная поляна—конецъ нашего подъема. Люди вокругъ костра—это наши же, пришедшіе еще ночью со старымъ проводникомъ, а дымокъ вѣется изъ землянокъ резервныхъ взводовъ.

Подшли настолько близко, что я различаю у костра грузную фигуру Федора Федоровича. Мнѣ хочется обогнать всѣхъ, скорѣй придти на грязную поляну, но я не могу сдѣлать этого. Я долженъ идти сзади всѣхъ и всѣ средства прилагать къ тому, чтобы какими угодно усиліями люди добрались до поляны, чтобы пришло ихъ какъ можно больше, чтобы какъ можно меньше осталось лежать обезсилившими и изнуренными въ мягкой перинѣ мшистой тропы. Я такъ и дѣлаю. Словомъ и дѣломъ помогаю обезсиленнымъ солдатамъ. Иногда шучу, иногда прошу, иногда кричу. И всякій разъ дѣлается нестерпимо больно, когда раскричишься на солдата, а онъ лежитъ на сыромъ мхѣ, сырой и грязный, обезсилившій и измученный и смотреть на тебя умоляющими, оставившими глазами.

Наверху у костра грѣлись люди, потому что было сыро и холодно.

Прошло времени больше чѣмъ часть, пока кончилась кропотливая процедура смѣны сторожевого охраненія. По одному спустились сверху гусары и выстроились у дымящихся землянокъ: грязныя, широкоплече, огромныя.

Я прощаюсь со своимъ собесѣдникомъ, молодымъ, безусымъ, гусарскимъ корнетомъ. Онъ говоритъ мнѣ на прощанье не мало теплыхъ пожеланій, ободряющихъ словъ, хотя я вовсе не унываю, а просто усталъ, еще разъ жметъ руку и идетъ внизъ, мимо фронта спѣшеннаго эскадрона, разваливающейся походкой кавалериста и я долго смотрю ему вслѣдъ на его грязную, обтрепанную фигуру, на сбившуюся фуражку и прожженную на спинѣ шинель.

— На пра-во!—Рѣзкимъ голосомъ кричитъ рыжій вахмистръ—«пошли книзу».

Заколыхались гусары и, вытягиваясь длиннымъ гусемъ, потянулись по разбитой тропѣ книзу, то совсемъ исчезаая, то снова показываясь въ кустахъ «ползучки».

II.

Солдаты вмазываютъ печь въ землянкѣ изъ плоскихъ камней, а я стою у входа и смотрю на востокъ, на убѣгающія вдаль горы.

Застыль въ нѣмомъ очарованіи и какой-то смутной думой полна душа. Какой-то глубокой смыслъ чудится въ этомъ суровомъ гордомъ пейзажѣ, но какой—напрасно старается разгадать встревоженный умъ. Стою не шелохнувшись, и замираетъ душа передъ суровымъ величіемъ лѣсистыхъ горъ.

На востокъ горы ниже и отъ входа въ землянку не видно конца горнымъ, громадамъ и далекія горы сливаются въ сплошную туманную мглу. Я пытаюсь найти ту долину, гдѣ мы провели столько хорошихъ беззаботныхъ дней въ резервѣ, но напрасно: знако-

мая долина затерялась въ сложной сѣти другихъ большихъ и малыхъ, лѣсистыхъ и голыхъ.

Съ сѣвера склоны горъ зачастую голы. Съ юга и съ подножій ихъ одѣваютъ синей одеждой лѣса. Вершины голы и скалисты, если не покрыты корявой «ползучкой», какъ эта гора, на которой я стою. Облака ползутъ по вершинамъ горъ и обвалакиваютъ ихъ туманомъ. Вѣтеръ гонитъ облака и воетъ, и шумитъ въ лѣсистыхъ провалахъ долинъ.

Влѣво—гора съ голой вершиной. На голой вершинѣ, надъ обрывомъ рядъ узкихъ, высокихъ камней. Въ такомъ порядкѣ ихъ наврядъ ли могла разставить мертвая природа. Я смотрю на эти камни и думаю, что должно быть это кладбище полудикихъ жителей горъ—гуцулловъ, разбѣжавшихся сейчасъ.

Я думаю о томъ, какъ раньше, много лѣтъ назадъ, когда еще никто не думалъ о войнѣ и когда эти горы были извѣстны лишь какъ мѣсто, куда ссылали австрійскихъ каторжныхъ преступниковъ,—дикій гуцулъ, который живъ былъ тѣмъ, что пасъ стада козъ на склонахъ горъ и билъ кабановъ у лѣсныхъ ручьевъ, съ космами черныхъ волосъ, которые падали ему на плечи, въ звѣриной шкурѣ поднимался на вершину къ священнымъ камнямъ и молился грозному Богу.

Вѣтеръ развѣвалъ космы его жесткихъ черныхъ волосъ, трепалъ шкуру, открывая черное, словно вылитое изъ какого-то темнаго металла тѣло, а онъ не замѣчалъ ничего въ молитвенномъ экстазѣ, и въ стонахъ и ревѣ вѣтра въ горныхъ провалахъ ему чудились грозныя откровения суроваго Бога...

Неслись облака, такія странныя, приплюснутыя снизу и цѣплялись за вершины. Стоналъ вѣтеръ въ лѣсистыхъ провалахъ, и грозныя, и хмурыя стояли горы. А я все стоялъ и смотрѣлъ, и чѣмъ-то тяжелымъ и смутнымъ была полна душа.

Холодное дождевое облако напозло на вершину и все потонуло въ сыромъ бѣлесомъ туманѣ.

Убогій блиндажъ—землянка не спасаетъ ни отъ холода, ни отъ сырости. Съ еловыхъ балокъ на потолокъ капаетъ непрерывно. Передняя стѣнка плохо сколочена, плохо утыкана мхомъ и нестрѣетъ рядомъ дырь. И въ эти дыры и въ дверь, занавѣшенную полотнищемъ палатки и легко развѣваемую, залетаетъ холодный, сырой вѣтеръ. Сырая, плохо вмазанная печь не грѣетъ, а дымитъ. Дрова сырыя и отъ этого блиндажъ полонъ ѣдкимъ дымомъ. Отъ дыма стучитъ въ вискахъ, першитъ въ горлѣ и колетъ глаза, какъ будто втыкаютъ въ глаза иголки. Но зато мутный и горячій чай изъ грязнаго солдатскаго котелка съ хлѣбомъ и масломъ. Какимъ онъ показался очаровательнымъ и какъ быстро исчезъ.

Вѣстовой стащилъ съ ногъ грязныя сапоги. Я закутался въ бурку и заснулъ въ углу землянки.

Когда проснулся, въ полуу дверь было видно, какъ все еще туманомъ была окутана гора. И казалось, что все еще утро на дворѣ, хотя день клонился къ вечеру. Въ углу, у двери спитъ, закрывшись шинелью и палаткой, Федоръ Федоровичъ и слабо храпитъ. Съ чернаго потолка ему каплетъ прямо на спину и на спинѣ у него черная сырая полоса, но онъ не замѣчаетъ этого и спитъ. Я покрываю его своей буркой.

Вѣстовой все въ томъ же закоптѣломъ чайникѣ принесъ умыться.

На грязной полянѣ нѣтъ никого. Пусто и уныло. Только грязныя кучи землянокъ, темная хвоя «ползучки» и холодный туманъ.

Гусары ушли еще утромъ, люди резервнаго взвода разбрелись по землянкамъ и спать. Тихо и безлюдно. Костеръ, около котораго утромъ грѣлись люди, погасъ и только сѣрое пятно пепла маячитъ на грязной землѣ. Изъ нашего офицерскаго блиндажа еле замѣтной струйкой вьется дымокъ.

Въ сосѣдней землянкѣ, которая представляетъ изъ себя, какъ и всѣ солдатскія землянки, просто лунку, вырытую въ горѣ и покрытую сучьями и землей и заставленную камнями, помѣщаются солдаты связи. Изъ нѣсколькихъ фигуръ, закутанныхъ въ шинели и скорчившихся отъ холода, выбираю одну, расталкиваю соннаго солдата и велю ему идти за собой. Начинаемъ подниматься въ гору къ вершинѣ, къ передней линіи. На полпути у обросшаго «ползучкой» «пупа»—такъ называютъ солдаты не скалистые выступы горъ,—снова все изрыто землянками. У трехъ погасшихъ костровъ лежатъ закутанныя въ палатки фигуры солдатъ. У четвертаго не столько горящаго, сколько дымящаго сидятъ кружкомъ и разговариваютъ.

Иду къ костру. Солдаты не замѣчаютъ и не прекращаютъ бесѣды. Слышу, какъ одинъ изъ сидящихъ худой черный солдатъ говорить, ни къ кому не обращаясь и задумчиво глядя на огонь:

— А вотъ нѣмецъ одинъ пишетъ, что я бы, говорить, съ русскимъ войскомъ всю Европу прошелъ.

— Болгаре, они тоже боятся.

Замѣтили и прекратили разговоръ. Сидятъ, недвижась. Грязныя шинели, обтрепанный видъ.

— Какой взводъ?

— Третій!

— Гдѣ взводный?

— Тама.

И опять не то досада, не то жалость на этихъ грязныхъ распутившихся людей бушуетъ въ груди. Прохожу дальше.

Догоняетъ фельдфебель, здороваается и мы идемъ съ нимъ вмѣстѣ.

Наверху, на скалистой вершинѣ, одѣтой мхомъ и мелкой «ползучкой», передняя линія. Даже если хотите и «передняя линія окоповъ», такъ какъ вотъ эти канавки, прорубленные на голомъ камнѣ, это ни что иное, какъ окопы. Можетъ быть со временемъ и будутъ здѣсь настоящіе окопы, но сейчасъ могли вырыть на камнѣ только эти канавки. Тамъ, гдѣ канавки поглубже, стоятъ фигуры, видимо часовые, но не смотря туда, куда слѣдовало бы имъ смотрѣть, разъ они часовые, а только кутаются въ полотнища палатокъ отъ холоднаго пронизывающаго вѣтра.

И спереди и въ стороны ничего не видно. Все закрылъ собой бѣлый, холодный туманъ. Фельдфебель старается объяснить, какъ идутъ позиціи, гдѣ стоятъ караулы, но и самъ онъ ничего не знаетъ, а что знаетъ, не въ силахъ показать изъ-за густого тумана.

Когда возвращались обратно, вѣтеръ разогналъ облака и уходящее на западъ солнце засверкало съ чистаго неба. Все ожило. Прояснились горы. Дали стали отчетливыми. Бѣлая облака стояли бѣлыми барашками на чистомъ небѣ на одной высотѣ со мной: сплюснутыя снизу и кудрявыя сверху.

Федоръ Федоровичъ проснулся и стоитъ у входа въ землянку, безъ пояса, заложивъ въ карманъ руки. Я такъ радъ его видѣть. Минъ такъ хочется поболтать съ нимъ, уйти хоть на мигъ отъ тягостнаго чувства тоски и заброшенности, которое мучитъ меня съ самаго утра.

— Ну что, какъ?—Спрашиваю.
— Плохо!
— Что плохо?
— Все плохо. Хлѣба нѣтъ. Люди не ѣмши, вотъ что плохо. Со вчерашняго дня. Забыли насъ...
«И у тебя тоже», думаю я про себя и хочу сказать въ утѣшеніе Федору Федоровичу что-нибудь, но всѣ слова кажутся лживыми, а правдивымъ лишь то, о чемъ говорилъ сейчасъ Федоръ Федоровичъ. И я молчу.

Въ землянкѣ дыма нѣтъ, но холодно. Вѣстовой стащилъ съ заоченѣвшихъ ногъ промокшіе сапоги. Закрылся буркой и легъ.

Спать не хочется, но такъ пріятно лежать въ теплѣ, не шевелясь, завернувшись въ бурку съ головой. Федоръ Федоровичъ тоже легъ въ своемъ углу и тоже не спитъ.

Лежимъ молча. День тянется безконечно долго и синія сумерки ложатся незамѣтно на горы и въ ихъ полусвѣтѣ горы кажутся еще выше, еще угрюмѣй и острѣй чувствуется наша оторванность отъ Божьяго міра.

Было почти совсѣмъ темно и въ слабомъ свѣтѣ погасавшаго вечера съ трудомъ различались люди и кусты, когда снизу, изъ-подъ горы, вкарабкались на грязную поляну двѣ вьючныхъ лошади. Черезъ вьючныя сѣдла перекинута мѣшка съ консервами.

— Консервы привезли

Изъ землянокъ повылѣзали солдаты и окружили прибывшихъ. Артельщикъ и писарь рассказываютъ, какъ они измучились, пока добрались до насъ.

Жестяныя, блестящія, аккуратныя баночки тушеного мяса быстро раздѣлили по взводамъ, лошадей куда-то увели, люди разбрелись по землянкамъ, и снова стало одиноко на грязной полянкѣ.

Въ землянкѣ темно. Уже поздно, но мы все еще лежимъ и молчимъ и не зажигаемъ огня. Свѣча у насъ есть, но эта свѣча у насъ послѣдняя, а мы не знаемъ, какъ долго стоимъ мы здѣсь, а потому бережемъ свѣчу, какъ сокровище, и не зажигаемъ.

Въ печкѣ рдѣютъ угли и слышно, какъ срываются сверху съ черныхъ балокъ капли и падаютъ на бурку и на столъ.

III.

Вѣстовой принесъ котелокъ чая и двѣ банки разогрѣтыхъ консервовъ. Долго рылся въ вещевомъ мѣшкѣ, досталъ огарокъ въ четверть длины, бережно завернутый въ тряпку, зажегъ и нрилѣпилъ къ краешку стола. И наша унылая землянка стала вдругъ уютной и ласковой. Черныя тѣни легли на стѣны и скрыли ихъ сырость и камни. Отсвѣты поздняго вечера сразу потухли и въ щели двери смотрѣла черная ночь.

Вѣстовой растянулъ еще палатку во всю ширину передней стѣнки, такъ что вѣтеръ уже не залеталъ, подбросилъ дровъ въ печь и въ землянкѣ стало тепло.

Федоръ Федоровичъ, по натурѣ вообще не склонный къ унынію, воспрянулъ духомъ окончательно.

— А ну, Григорычъ, будетъ тебѣ тамъ. Присаживайся лучше. Закусимъ малость.

Я переваливаюсь изъ своего угла къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ Федоръ Федоровичъ и стоитъ на землѣ обѣдъ и чай. Не убираю ногъ изъ теплой бурки, устраиваюсь около котелка и выбираю такое мѣсто,

гдѣ капли съ потолка падаютъ не на лицо, не на воротъ, а только на бурку. Федоръ Федоровичъ снова такой, какимъ былъ въ наши долги вечера на стоянкѣ: сияющій, веселый и словоохотливый. Черпаетъ вилкой изъ баночки тушеное мясо, аппетитно чавкаетъ и ведетъ свой обычный безконечный разговоръ. Онъ много рассказываетъ про свою жизнь. А жизнь у него самая обычная. Онъ бывши сельскій учитель. Учился въ своемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ-то въ дебряхъ Вологодской губерніи и до 27 лѣтъ, до того, какъ быть призваннымъ, безвыѣздно жилъ въ деревнѣ. Въ годъ производства онъ лѣто прожилъ въ Ростовѣ. Это лѣто и служить ему неисчерпаемой темой для его нескончаемыхъ разговоръ.

Говорить же онъ больше со своимъ вѣстовымъ. Они провели бокъ о бокъ цѣлый годъ, были вмѣстѣ въ рядѣ боевъ, схоронили много и офицеровъ, и солдатъ. И каждый разъ, когда горитъ свѣча и уютно и тепло въ землянкѣ, они начинаютъ вспоминать былые дни «и битвы гдѣ вмѣстѣ» и т. д.

— Такъ понимаешь ты, ходили мы тамъ, въ Ростовѣ есть садъ, гдѣ одна высшая публика: офицеры, купцы, студенты. Словомъ, интеллигентная публика. Барышни, дамочки, публика...

И, улетѣвъ мечтой въ прекрасное прошлое, рассказчикъ забылъ свое тушеное мясо и мечтательно откинулся къ стѣнѣ.

— Скрипачъ играетъ. Какъ это, Сикора не то Сибора... Да, Сибора. Хорошо такъ выводить. Хоромъ тоже управляетъ, режиссируетъ—любимецъ ростовской публики.

Вѣстовой, огромный рябой парень, слушаетъ внимательно, не спуская сверкающихъ глазъ съ Федора Федоровича.

— Вдругъ подходитъ студентъ: позвольте, говорить, вамъ записка. Написано: «спасите двѣ грѣшныя души отъ гибели» и еще что-то. «Гдѣ?»—спрашиваемъ студента.—А вотъ, говорить, въ аллеѣ. Познакомились. Я не знаю, кто онъ такія, давай сальности пускать. Она меня въ сторону отвела. Вы, говорить, за кого насъ принимаете.—Виновать, говорю. Смѣется. Проводили мы ихъ. Такъ больше и не встрѣчали. Полтора рубля за входъ. Много не находишь.

Пауза. Федоръ Федоровичъ улыбается и никакъ не можетъ стерѣть улыбки со своего широкаго, угреватаго лица.

— Оно простынетъ, ваше благородіе, ѣшьте.

— Чаю заварилъ?

— Заварилъ.

И снова пауза.

— Весело время проводили. У одной барыни на квартирѣ жилъ. А у ней тоже на квартирѣ двѣ барышни, одна курсистка, другая въ консерваторіи учится. Не знаю, кѣмъ ужъ она будетъ. Пѣвчикою, штоль будетъ. Веселенькая такая, молоденькая. Какъ я ни старался, ничего не вышло. И поссорились изъ-за этого и съ квартиры съѣхалъ. Раза четыре поцѣлуешь—тополя цвѣтутъ, соловьи въ саду,—а она нѣтъ и нѣтъ. Такъ ничего и не вышло. Разсорились.

Меня всегда удивляло перескакиваніе ихняго разговора съ одного на другое. Оно всегда было неожиданно, трудно было услѣдить, но только, бывало, отвернешься, глянь, а они уже о другомъ.

— Ты говоришь, Козловскій. Да Козловскій не у первой линии былъ убитъ, а у второй, а можетъ и у третьей.

— У первой, ваше благородіе.

— Будетъ брехать. Самъ видѣлъ. Когда первую линію прорвали, я побѣжалъ влѣво и видѣлъ своими глазами, какъ Козловскій вправо бѣжалъ и что-то кричалъ и руками размахивалъ. Уже вечеромъ связь идетъ, говорить: ротнаго убило. А вотъ Четырку, фельдфебеля, того дѣйствительно у первой линіи убило. Такъ и повиснулъ на проволоку. И Улановъ съ нимъ, и Бережной, и Соколовъ и не перечесть сколько. Взводный Усикъ тотъ со своимъ взводомъ на пулеметъ бѣжалъ. Такъ до пулемета никто и не добѣжалъ и назадъ никто не вернулся.

— А Тихню, того снарядомъ порвало.

Давно былъ выпить весь чай и мы разсуждали о томъ, не пора ли гасить драгоценный огарокъ и ложиться спать, когда принесли этотъ грязный лоскутокъ бумаги—телефонограмму. И въ ней приказывалось, въ виду предполагаемаго наступленія, съ разсвѣтомъ выдвинуться и подойти какъ можно ближе къ противнику.

Кто-то черный и страшный глянулъ сотнями красныхъ глазъ въ нашу теплую и уютную землянку. Я чувствую, какъ вдругъ сильно забилося сердце и нервная дрожь сковала тѣло.

Въ полночь все успокоилось. Федоръ Федоровичъ легъ, закрылся шинелью и заснулъ.

Въ землянкѣ тихо. Лишь слышно, какъ падаютъ съ потолка тепловатая, мутная капли.

Я лежу на своемъ мѣстѣ, но не сплю. Я не суетвренъ, но я чувствую, какъ какія-то недобрія предчувствія волнуютъ меня.

Раньше этого не было.

Я лежу тихо и не шевелюсь. Образы и мысли, такіе яркіе и отчетливые родемъ носятся въ головѣ. Пренная жизнь вспоминается: короткая, безалаберная, безтолковая. То студенческіе годы, то картины преннихъ боевъ всплываютъ и проходятъ, яркія, красочныя, передъ открытыми глазами, и имъ вторитъ душа несказанной музыкой.

Вотъ Володькина смерть.

Мы бѣжали съ нимъ рядомъ по черному бугристому полю, гдѣ рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ теплаго вечера свинцовые жуки и выхватывали изъ цѣпи сѣрыхъ солдатъ.

Попали подъ пулеметъ и свинцовые жуки уже не пѣли, не свистѣли, они жгли и сѣкли огненной, жгучей струей.

Володькѣ перебило ноги и онъ, высоко всплеснувъ руками, грохнулся на черную землю и тотчасъ же былъ раненъ еще двумя пулями въ пахъ. А я бѣжалъ впередъ и обертывался и видѣлъ, какъ умирающій Володька корчился въ страшныхъ мученіяхъ и грязнымъ платкомъ и клокомъ сухой травы съ нависшей на немъ черной землей, старался заткнуть хлещущую изъ паха кровь. Я еще разъ обернулся и видѣлъ, какъ вдругъ судорожно распрямилась и опять согнулась Володькина спина и онъ сразу застылъ. Я ужъ больше не обертывался и бѣжалъ впередъ.

Онъ три дня лежалъ въ полѣ, пока для насъ стало возможнымъ подобрать и похоронить его. Его съ трудомъ было можно узнать. Оказывается, пулеметъ еще разъ его задѣлъ своей смертной струей, такъ какъ на спинѣ оказалось еще шесть пулевыхъ ранъ.

Мы привезли съ собой гробъ, но его въ гробъ нельзя было уложить. Его нельзя было разогнуть. Онъ такъ

и застылъ, подогнувъ перебитыя ноги къ подбородку и придавивъ руками съ платкомъ и землей разможенный пахъ. Онъ весь былъ въ крови и землѣ. Какъ будто кто-то вылилъ на черную землю ведро крови и изъ грязи слѣпилъ этотъ трупъ.

Мы такъ и бросили гробъ и онъ остался лежать бѣлый на черномъ полѣ, а мертваго Володьку завернули въ палатку и повезли хоронить.

Моросилъ дождь, дулъ вѣтеръ, было холодно и скучно, какъ осенью.

Я отправилъ солдатъ напрямикъ, черезъ рѣчку, и отдалъ имъ свою лошадь, а самъ пошелъ пѣшкомъ за фурманкой, которая не могла попасть въ деревню, минуя мостъ, а единственный уцѣлѣвшій мостокъ былъ далеко.

Возница—солдатъ, бородатый, молчаливый обозникъ попыхивалъ трубочкой и не подавалъ признаковъ жизни. Кругомъ было пусто и мертво. Только грязная дорога, черное поле и дождливое, по осеннему унылое небо.

Я шелъ за телѣгой, стараясь выбирать наиболѣе сухія мѣста и не было на душѣ ни слезы, ни проклятій, ни горя. Была лишь скука, тяжелая и безпроевѣтная, какъ унылое нависшее небо.

А потомъ хоронили его около той же дороги у околицы полуразрушенной деревни и говорили только дѣловое и нужное. И было странно, когда ничего не дѣлавши, а только наблюдавши, молчаливый обозникъ, какъ Валамова ослица, проговорилъ:

— Хорошо, кабы попь.

Когда опускали, одинъ солдатъ прыгнулъ въ яму, чтобы принять трупъ и когда уложилъ его на дно ямы, сталъ выбирать. Но опереться было не на что и онъ сталъ выбивать носкомъ въ стѣнѣ ступень. Выбилъ и ступилъ и ухватился за протянутую руку, но нога оборвалась и онъ ударилъ всей тяжестью своего мужицкаго тѣла и тяжелыхъ сапогъ въ слабую Володькину грудь. И мертвый Володька вдругъ хрипло зарычалъ и это было такъ на него не похоже, потому что живой онъ былъ такой ласковый, веселый и юный...

— Неужели?—Съ тоской спрашиваю я кого-то, но отвѣта нѣтъ и завтрашній день стоитъ страшной неразгаданной загадкой.

Я поворачиваюсь на бокъ и долго смотрю, какъ красные потухаютъ въ печкѣ угли и покрываются сѣрымъ налетомъ пепла.

Слышно, какъ стонетъ и гудитъ въ горныхъ провалахъ вѣтеръ. Не даромъ фельдфебель говорить, что наверху отъ страшнаго вѣтра нельзя на ногахъ стоять.

Гудитъ вѣтеръ и въ его шумѣ мнѣ слышатся странные звуки: то робкіе и нѣжные, то грозные и страшные. То какъ будто плачетъ кто-то, то какъ будто кто-то кричитъ.

И въ самомъ дѣлѣ кричитъ. Ясно и отчетливо кричить. Я поднимаюсь на локтяхъ и слушаю. Я чувствую какъ въ темнотѣ широко и испуганно раскрыты мои глаза.

Кричить... Кто кричитъ?

Странные звуки повторились отчетливо и недалеко. То кричатъ журавли. Летятъ низко надъ вершиною и кричатъ.

Прапорщикъ Г. Г. Ушаковъ.

ПРАВДА И ЛОЖЬ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

Последние годы передъ революціей мы задыхались въ лжи. Провокація сдѣлалась устоемъ русской государственности стараго режима. Атмосфера была насыщена предательствомъ. Азѣфовщина, распутинщина, сухомлиновщина—все это отравляло жизнь народа и разлагало русское государство. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ переворотомъ муть сдѣлалась нестерпимой, нельзя было дышать, все стало двусмысленнымъ. Образъ старой власти двоился. Старый режимъ уже долгое время жилъ ложью. Онъ продолжалъ существовать по инерціи, его поддерживала народная пассивность. Нравственное разложение достигло небывалыхъ размѣровъ. Среди дѣятелей старой власти послѣдняго періода ея существованія трудно было встрѣтить людей съ яснымъ человѣческимъ образомъ, такіе люди составляли исключеніе и они недолго держались. Въ часъ кончины русскаго царизма его окружали Григорій Распутинъ, Сухомлиновы, Штюмереры, Протопоповы, Воейковы, Манусевичи-Мануиловы и т. п. двоящіеся и двусмысленныя образы. Старая русская монархія утонула въ мутіи во лжи, въ предательствѣ и въ провокаціи. Она не столько была свергнута, сколько сама разложилась и пала. Русская революція не столько была результатомъ накопленія творческихъ силъ, творческихъ порывовъ къ новой жизни, сколько результатомъ накопленія отрицательныхъ состояній, процессовъ гниенія старой жизни. Это облегчило торжество революціи въ первые дни и очень отягчило ее въ дальнѣйшемъ развитіи. Силы разрушительныя взяли верхъ надъ силами творческими. Болѣзнь оказалась слишкомъ застарѣлой, послѣдствія ея перешли въ новую Россію и дѣйствуютъ, какъ внутренній ядъ. Революція въ достиженіяхъ элементарной политической свободы слишкомъ запоздала и именно потому въ ней господствуетъ социальный максимализмъ, который всегда есть результатъ неподготовленности массы, содержащихся во тьмѣ. Гроза разразилась, она была неотвратима и ниспослана Провидѣніемъ. Но атмосфера не очистилась. Намъ не дышется легче послѣ революціонной грозы, воздухъ не сталъ чистымъ и прозрачнымъ, осталась муть, по прежнему господствуютъ двусмысленные и двоящіеся образы, хотя и въ новыхъ облаченіяхъ, ложь по прежнему царитъ въ нашей общественной жизни, предательства и провокація не перевелись, хотя Сухомлиновъ и Штюмереръ сидятъ въ крѣпости. Старые люди, изолгавшіеся и потерявшіе нравственный центръ, являются въ новыхъ одѣяніяхъ и прикрываются новыми словами. По прежнему нѣтъ любви къ правдѣ, нѣтъ признанія самодовлѣющей и абсолютной цѣнности правды, которой нельзя жертвовать ни для какихъ утилитарныхъ и корыстныхъ цѣлей, партійныхъ, классовыхъ и личныхъ.

Прежде уста, ненавидѣвшія и презиравшія Николая II, говорили объ «обожаемомъ монархѣ», о вѣрности и службѣ царю. Многое изъ того, что нѣкогда было священнымъ, превратилось въ условную ложь, слова потеряли свое реальное содержаніе. Весь ужасъ въ томъ, что давно уже «божье» было воздаваемо не Богу, а «кесарю» и это нарушеніе основной заповѣди, это сотвореніе себѣ кумира и всякаго подобія на

землѣ, это идолопоклонство нравственно отравило жизнь русскаго народа. Но вотъ старый идолъ самодержавія былъ низвергнутъ и втопанъ въ грязь. Какъ и всегда бываетъ, толпа, недавно ему поклонявшаяся, теперь топчетъ его ногами. Но послѣ низверженія старыхъ кумировъ освободились ли мы отъ всякаго идолопоклонства, отъ всякаго воздаянія божьяго царству кесаря? Нѣтъ, не освободились. Возникли новые кумиры, которые поставлены выше правды божьей. Идолопоклонство, которое всегда есть измѣна живому Богу, осталось, оно приняло лишь новыя формы. Началось новое идолотвореніе, появилось много новыхъ идоловъ и земныхъ божковъ—«революція», «социализмъ», «демократія», «интернационализмъ», «пролетаріатъ» и т. п. Всѣ эти идола и божки такъ же принадлежатъ къ царству «кесаря», какъ и старый идолъ царскаго самодержавія, и имъ воздаются божескія почести. Царство кесаря въ христіанскомъ, евангельскомъ смыслѣ этого слова не есть непремѣнно самодержавіе, монархія, не связано непремѣнно съ царемъ или императоромъ, оно обширнѣе и многообразнѣе, къ нему можетъ принадлежать и демократическое царство. Вокругъ поклоненія новымъ идоламъ кесарева царства уже успѣло накопиться много лжи и мутіи. Новое идолопоклонство, какъ и старое, заслоняетъ собой солнце правды. Никогда идолопоклонство не проходитъ даромъ для нравственной природы человѣка и народа, оно нравственно калѣчитъ и толкаетъ на путь лжи. Человѣкъ, поклонившійся чему-либо на землѣ, какъ Богу, уже перестаетъ отличать правду отъ лжи, онъ дѣлается одержимымъ, онъ—рабъ временныхъ, относительныхъ вещей, во имя которыхъ все считаетъ дозволеннымъ.

II.

Революція есть лишь моментъ въ жизни народа, временная функція, переходящее состояніе, черезъ которое онъ можетъ перейти къ высшей, свободной жизни, но всегда болѣзненное и тяжелое, вызванное накопленіемъ стараго зла. Когда у какого-нибудь человѣка лопаются гнойный нарывъ, то странно было бы признать это явленіе самымъ свѣтлымъ и божественнымъ въ человѣкѣ, подмѣнить самого человѣка этимъ моментомъ развитія болѣзненнаго въ немъ процесса. Но у насъ именно это и происходитъ въ отношеніи къ революціи, которая есть лишь вскрытіе гнойнаго нарыва на тѣлѣ Россіи. Превращеніе самой революціи въ божество и воздаяніе божескихъ почестей есть отвратительное идолопоклонство, забвеніе истиннаго Бога. Это ничѣмъ не лучше, чѣмъ идолопоклонствовать передъ кесаремъ, это—одной природы. Прежде Россія подмѣнялась династіей, которой она приносилась въ жертву; теперь Россія подмѣняется революціей, которой она также приносится въ жертву. Если «обожаемый монархъ» превратился въ отвратительную и безобразную ложь, то въ такую же ложь можетъ превратиться и «обожаемая революція», если ее не подчинить высшей правдѣ. Правда же стоитъ выше всѣхъ измѣненій въ царствѣ кесаря, въ ней нѣтъ ничего двоящагося, колеблющагося и измѣнчиваго, она самимъ Богомъ заложена въ человеческомъ сердцѣ и раскрытіе ея есть самая первая задача и самый вѣрный путь къ новой, свободной жизни. Идолопоклонство всегда повергаетъ въ царство лжи и порабощаетъ ему. И мы уже находимся въ самомъ страшномъ рабствѣ у лжи. Неисчислимымъ

количеством лжи отравлено сердце народа, сердце простых, темных людей, малых сих, и затуманенъ умъ ихъ. Прежде, до революции отравляли народъ одной ложью, теперь отравляютъ его другой ложью. Демагогия есть ложь, возведенная въ принципъ, въ руководящее начало жизни. Демагогъ считаетъ дозволенной всякую ложь для достиженія своихъ цѣлей, для соблазненія массъ. Вся революционно-социалистическая фразеология въ наши дни все болѣе и болѣе превращается въ условную ложь, подобную лжи той фразеологии, на которой покоился старый режимъ. Тѣ, которые прикрывались высокими словами о святости отечества, государства и церкви, на дѣлѣ слишкомъ часто предавали отечество, разлагали государство и отдавали церковь во власть темныхъ силъ. Такъ поступаютъ съ божественной цѣнностью свободы многие изъ тѣхъ, которые прикрываются новой революционной фразеологией. Реальное значеніе и реальный вѣсь словъ теряется, ибо за этими словами стоятъ негодныя человѣческія души.

«Темныя, безответственныя вліянія» такъ же начинаютъ господствовать надъ революціей, какъ они господствовали надъ старой властью. Предательства, провокація и грубая корысть также прикрываются громкими лозунгами «интернационализма», «революціоннаго социализма» и т. п., какъ раньше онѣ прикрывались громкими лозунгами «монархизма», «истинно-русскаго патриотизма» и т. п. Большевиизмъ имѣетъ слишкомъ много общаго съ распутинствомъ и черносотенствомъ. Красные и черные цвѣта въ массѣ окончательно перемѣшались. Еще до революции приходилось слышать отъ честныхъ социаль-демократовъ, что въ средѣ большевизма трудно отличить революціонеровъ отъ провокаторовъ и предателей. Самый нравственный принципъ революціоннаго максимализма таковъ, что онъ дѣлаетъ затруднительнымъ различіе, ибо все объявляетъ дозволеннымъ для революціонныхъ цѣлей и правду не считаетъ существенной. Образуется подпольная атмосфера, страдающая свѣтобоязнью. Въ этой атмосферѣ расцвѣтъ Азефъ. Эта атмосфера всегда соприкасалась, съ охранными отдѣленіями, съ департаментомъ полиціи, съ темными, подпольными придворными вліяніями. Эта подпольная, двусмысленная атмосфера не исчезла послѣ переворота, она перешла и въ новую, свободную Россію, гдѣ не должно было бы быть мѣста для подполья. Носителями этой атмосферы сдѣлались по преимуществу большевики. Разоблаченія, которыя сдѣланы послѣ 4 июля о германскомъ шпионажѣ, объ измѣнѣ и предательствѣ среди тѣхъ, которые называли себя интернационалистами и единственными истинными социалистами-большевиками, имѣютъ слишкомъ много общаго съ тѣмъ, что было раскрыто о Мясоѣдовѣ и Сухомлиновѣ, что сгустилось вокругъ имени Штюмера и придворной нѣмецкой партіи. Пахнуло тѣмъ же духомъ. Мы не освободились и не очистились, мы все еще въ рабствѣ у темныхъ силъ, все еще томимся въ подпольѣ. Революція подверглась нравственному растлѣнію, ея идеалистическіе элементы оттѣснены и попали въ рабство къ элементамъ темнымъ и двусмысленнымъ. Нигилизмъ справа и нигилизмъ слѣва—одной природы.

III.

Во имя «революціи» теперь допускается такая же ложь, какая раньше допускалась во имя «монархіи».

Престижъ идола ставится выше правды, простой и въ своей простотѣ божественной правды. Революція не освободила насъ отъ ложнаго охраненія престижа господствующей силы, она требуетъ охраненія своего собственнаго престижа прежде всего. И это толкаетъ на путь лжи. Новая, свободная жизнь настанетъ въ Россіи лишь тогда, когда во имя правды, поставленной выше всего, согласятся пожертвовать всякимъ престижемъ, всякой условной ложью, революціонной, какъ и монархической. Да воцарится престижъ самой правды, которая всѣми силами должна быть раскрыта въ сердцѣ народа, и да сгинетъ всякая лживая, условная фразеология! Пора уже громко заявить, что ложь съ самаго начала отравила русскую свободу и повергла насъ въ рабство. Социалистическія партіи съ максималистскими настроеніями съ самаго начала допустили ложь для охраненія своего престижа, престижа революціи, ибо поклонились не Богу, а идолу. Много лжей и неправдъ начало господствовать въ русской жизни. Всѣ эти демагогическіе выкрики о «буржуазіи», «буржуазности» и «буржуяхъ», къ которымъ была причислена и вся мыслящая и образованная Россія, всѣ эти розыски «буржуазной контръ-революціи» съ самаго начала были безобразной ложью. Въ вышедшемъ изъ береговъ и разлившимся морѣ русскаго мужицкаго царства буржуазія въ настоящемъ, точномъ смыслѣ слова большей роли у насъ не играетъ. Ей предстоитъ еще прогрессивное развитіе. Реальная опасность, контръ-революція, грозитъ исключительно со стороны большевиковъ и анархистовъ. Это начинаютъ наконецъ сознавать разумные и честные социалисты, но не хотятъ громко заявить объ этомъ изъ боязни нанести уронъ престижу революціоннаго социализма. Безобразной ложью было утвержденіе, что война ведется исключительно во имя захватныхъ интересовъ империалистической буржуазіи, руководимой П. Н. Милюковымъ. И это тогда, когда дѣло шло объ элементарной защитѣ отечества и его чести. Безобразной ложью было прикрытіе дезертирства и самаго корыстнаго эгоизма громкими словами объ интернационализмѣ и братствѣ народовъ. Вся эта ложь разложила армію и уготовила намъ неслыханный позоръ измѣны и бѣгства съ полей сраженія. Безобразная ложь—утвержденіе, что будто бы человѣческая масса можетъ существовать и исполнять свой долгъ безъ государственной, церковной и культурной дисциплины. Массы, вернувшіяся въ естественное состояніе, превращаются въ безнорядочныя толпы и въ концѣ концовъ въ звѣринныя орды. Безобразная ложь называть социализмомъ корыстные и захватные интересы стихійныхъ массъ, неподчиняющихся никакой общей и высшей правдѣ. Безобразная ложь дѣлать видъ, что петроградскія событія 4 июля не имѣютъ прямой связи съ большевиками, и отвѣтственность за нихъ возлагать на выступленіе какихъ-то контръ-революціонныхъ элементовъ и даже на уходъ министровъ-кадетовъ. Безобразная ложь выкрикивать, что партія народной свободы—буржуазная, что она защищаетъ интересы капиталистовъ, что въ ней заложено сѣмя контръ-революціи. Правдиво и въ соответствии съ реальной дѣйствительностью эту партію можно было бы обвинять въ нѣкоторомъ академизмѣ, въ переоцѣнкѣ внѣшнихъ конституціонныхъ формъ, въ неумѣнн привлечь къ себѣ болѣе широкія массы, затронувъ въ нихъ страстныя струны, въ недостаткѣ силы и воли. Это—партія правового идеа-

лизма, самая безкорыстная из наших партий, чистая от всякой демагогии, но страдающая партийным бюрократизмом. По своему составу кадетская партия есть партия высшей интеллигенции страны, профессоров и земцев, элементы же «буржуазные» в точном смысле слова в ней играют незначительную роль. Безобразная лож исповедывать принципы демократии, требовать Учредительного Собрания и все рѣшать до Учредительного Собрания и безъ него. Революционная социалистическая демократія до Учредительного Собрания, т.-е. безъ воли сувереннаго народа, рѣшаетъ фѣрму правленія, аграрный вопросъ, областныя автономіи и т. п. основные вопросы. И правда заключается въ томъ, что революціонному социализму совсѣмъ не нужны принципы демократіи и не нужно Учредительное Собрание, оно опасно для всякой чисто классовой партіи, ибо подчиняетъ всякій классъ волѣ націи. Именно, кадеты и являются сейчасъ болѣе послѣдовательными демократами. Ложь провозглашать максимальныя социальныя лозунги, въ реальную и дѣйствительную осуществимость которыхъ не вѣрятъ и которое провозглашаютъ лишь для привлечения массъ. Безобразная лож преклоняться передъ массовой стихіей революціи, въ ней самой искать критеріевъ истины и правды и называть контръ-революціей всякую попытку подчинить эту стихію критеріямъ истины и правды, добытымъ не изъ произвола человѣческой массы. Ложь—провозглашать свободу и на каждомъ шагу попираетъ ее. Скопление лжи образуетъ въ революціонной атмосферѣ муть. Только правда, не зависящая отъ быстрой смѣны дней и часовъ, отъ измѣнчивыхъ инстинктовъ массъ, можетъ освободить насъ. Политика отравлена ложью у однихъ для цѣлей низкихъ, у другихъ для болѣе высокихъ, она лишена нравственныхъ основъ. Все это ведетъ къ сознанію той вѣчной истины, что возрожденіе народа не можетъ быть внѣшнимъ, исключительно матеріально-соціальнымъ, что оно должно быть прежде всего внутреннимъ, измѣненіемъ души народа, побѣдой въ ней правды надъ ложью, Бога надъ идолами, духовнымъ оздоровленіемъ человѣческой личности. Голосъ правды и элементарнаго нравственнаго инстинкта заставляетъ признать, что въ нынѣшней грозной часѣ дѣло идетъ о спасеніи родины, спасеніи Россіи, а не революціи, и что правительствомъ національнаго спасенія можетъ быть лишь такое правительство, въ которое войдутъ представители всѣхъ группъ и всѣхъ партій, а не одной классовой партіи, которая не можетъ быть облечена довѣріемъ націи. Политика правительства національнаго спасенія можетъ быть лишь обще-національной политикой.

Николай Бердяевъ.

ЧТО ГОВОРИЛИ О ДВУХПАЛАТНОЙ И ОДНОПАЛАТНОЙ СИСТЕМАХЪ ВЪ 1789 ГОДУ.

Вопросъ о томъ, что лучше, однапалатный или двухпалатный парламентъ, до сихъ поръ является очень спорнымъ въ наукѣ государственнаго права. Впервые въ Европѣ этотъ вопросъ былъ поставленъ на практическую почву во французскомъ учредительномъ собраніи 1789 года. Интересно спросить, что же говорилось тамъ по этому поводу, какіе доводы приводились за и противъ, какъ двухпалатной, такъ и однапалатной системы.

Вотъ что сказалъ по поводу двухпалатной системы въ засѣданіи 31 августа 1789 года одинъ изъ членовъ комиссіи по составленію конституціи, Лалли-Толландаль: «Единство, быстрота, движеніе—такова сущность исполнительной власти. Напротивъ того, размышленіе, медленность, постоянство должны характеризовать законодательную власть. Одна палата всегда можетъ подвергаться опасности быть увлеченной краснорѣчіемъ, обольщенной софизмами, сбитой съ правильнаго пути интригами; она рискуетъ быть воспламененной страстями, увлеченной внезапными порывами, остановленной нарисованными передъ ней ужасами,—своего рода раздающимся около нея общественнымъ воплемъ, которому она не въ силахъ сопротивляться. И чѣмъ больше будетъ у ней власти, тѣмъ меньше благоразумія!»

«Но допустимъ, что вмѣсто одной палаты существуютъ двѣ: тогда первая будетъ болѣе внимательно относиться къ своимъ рѣшеніямъ уже просто потому, что они подлежатъ контролю второй... Вторая палата предохранитъ отъ ошибочныхъ сужденій, такъ какъ ей хорошо будутъ извѣстны ихъ причины. Она никогда не осмѣлится отвергнуть того, что носить печать справедливости и общественнаго мнѣнія. Если же вопросъ сомнителенъ, то положительное рѣшеніе одной и отрицательное другой поведутъ къ новому его изслѣдованію, новому разсмотрѣнію».

«Одна палата никогда не будетъ связана своими рѣшеніями, она будетъ стараться разорвать скованныя ею самою цѣпи, когда ей то заблагоразсудится. Минута экзальтаціи можетъ заставитьъ ее внезапно уничтожить плоды своихъ же наиболѣе зрѣлыхъ и мудрыхъ рѣшеній... Бѣдствія, которыя отсюда могутъ произойти, неисчислимы. Сама конституція будетъ находиться въ постоянной опасности, брошенная на произволъ неистовства и каприза человѣческихъ страстей. А разъ не будетъ устойчивыхъ законовъ, не будетъ и политическихъ привычекъ, не будетъ выработано національнаго характера; не будетъ національнаго характера—не будетъ и свободы: народъ попадетъ въ рабство, рабство самое позорное, которое отдастъ толпу въ руки непостоянныхъ страстей небольшого числа лицъ».

Тѣ же мысли, въ общемъ, развивалъ и другой членъ комиссіи, Мунье, въ засѣданіи 4-го сентября 1789 года. «Какъ предохранить одну палату,—спрашиваетъ онъ,—отъ ошибокъ, поспѣшныхъ рѣшеній, увлеченій?... Безпрестанно возбуждаемая бурными рѣчами своихъ ораторовъ, дѣйствуя подъ внезапнымъ впечатлѣніемъ всякаго рода событій, она не способна будетъ подчиниться никакимъ сдержкамъ. Напротивъ того, если двѣ палаты будутъ отдѣльно одна отъ другой постановлять свои рѣшенія, то эти послѣднія будутъ мудры, и законодательный корпусъ приобрететъ ту медленную и величественную поступь, отъ которой онъ никогда не долженъ отказываться».

Въ рѣчахъ Лалли-Толландаля и Мунье дана наиболѣе подробная аргументація какъ въ пользу двухъ палатъ, такъ и противъ одной палаты. Но за двухпалатную систему, хотя и менѣе обстоятельно, высказывались и другіе члены учредительнаго собранія. Такъ, въ засѣданіи 5-го сентября за двѣ палаты высказался де-Ларошфуко, по мнѣнію котораго вторая палата необходима, какъ «наиболѣе вѣрное средство противъ интригъ и увлеченій» въ первой палатѣ. А въ засѣданіи 7-го сентября необходимость двух-

палатной системы поддерживали депутаты де-Вирье и Мануэ. Доводы первого не представляют ничего нового, сравнительно с доводами его предшественников; на доводах же Мануэ не лишне несколько остановиться. Не отрицая того, что верховная власть едина, онъ въ то же время думаетъ, что выводитъ отсюда, какъ обязательное слѣдствие, единство законодательной палаты, значить злоупотреблять принципомъ. «Верховная власть едина, но она подраздѣляется на нѣсколько вѣтвей; кромѣ того, нужно различать обсужденіе, рѣшеніе и санкцію». Отсюда необходимость двухъ палатъ: нижней должно принадлежать право предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, а верхней—право пересмотра ея постановленій. Въ качествѣ довода въ пользу двухпалатной системы Мануэ приводитъ также и возможность злоупотребленій со стороны однопалатнаго парламента, который «случайно можетъ состоять изъ лицъ, лишенныхъ опытности и знанія въ дѣлѣ законодательства».

Высказываясь за двухпалатную систему, комиссія по составленію конституціи держалась того взгляда, что палаты должны быть различны по своему составу: нижняя должна состоять изъ народныхъ представителей, верхняя (сенатъ)—изъ 200 членовъ по назначенію короля. Въ то же время комиссія предполагала, что обѣ палаты должны быть равноправны, при чемъ верхней палатѣ должно быть предоставлено абсолютное «вето» по отношенію къ нижней. Но въ учредительномъ собраніи высказывались по этому поводу и другія сужденія.

Такъ, въ засѣданіи 4-го сентября, Клермонъ-Тоннеръ высказался въ томъ смыслѣ, что «вето» второй палаты должно быть только *суспенсивнымъ*, его результатомъ долженъ быть только пересмотръ рѣшеній нижней палаты, прежде чѣмъ они станутъ закономъ». За суспенсивное veto сената высказался также въ засѣданіи 7-го сентября Мануэ. А въ засѣданіи 4-го сентября Дюпонъ-де-Немуръ сказалъ, что, по его мнѣнію, законодательное собраніе должно состоять изъ *одной* палаты, но при этомъ прибавилъ: «Я требую, чтобы эта палата была раздѣлена для работы на двѣ палаты». Палаты должны быть, слѣдовательно, *одинаковы* по составу, при чемъ вторая палата должна обладать только задерживающимъ veto: она можетъ три раза отклонять рѣшенія первой, «послѣ чего, если мнѣнія все еще не согласны, обѣ палаты соединяются въ одну и постановляютъ рѣшеніе по большинству голосовъ».

Мнѣніе о раздѣленіи одной палаты на два отдѣленія, въ цѣляхъ наилучшаго обсужденія законовъ, поддерживалъ въ засѣданіи 7-го сентября также Ланжюинэ. Но въ то же время онъ былъ категорически противъ образованія особаго сената. «Если бы была введена особая верхняя палата,—сказалъ, между прочимъ, этотъ депутатъ,—то меньшинство командовало бы большинствомъ; частные интересы заняли бы мѣсто общихъ. Национальное собраніе было бы парализовано, и на развалинахъ старой знати былъ бы воздвигнутъ чудовищный монументъ въ честь аристократіи, роковой для короля и народа... Не нужно больше никакихъ различій въ степеняхъ, никакихъ королевскихъ назначеній. Достаточно, если палата депутатовъ, для мудрости и зрѣлости своихъ рѣшеній, будетъ раздѣлена, въ свою очередь, на двѣ палаты».

Здѣсь мы переходимъ, однако, уже къ противникамъ двухпалатной системы. Посмотримъ же, что

говорили они и каковы были ихъ доводы *въ пользу* однопалатной системы и *противъ* двухпалатной.

Съ рѣшительнымъ заявленіемъ въ пользу одной палаты выступилъ, въ засѣданіи 4-го сентября, Рабо-де-Сентъ-Этьеннъ. По мнѣнію этого депутата, вопросъ объ одной или двухъ палатахъ нельзя рѣшать, опираясь на примѣръ Англии; рѣшеніе его нужно искать «въ самой природѣ законодательной власти... Но суверенъ представляетъ собой нѣчто единое и простое, такъ какъ онъ является совокупностью всѣхъ безъ исключенія; слѣдовательно, и законодательная власть должна быть единой и простой; и если суверенъ не можетъ быть дѣлимъ, то не можетъ быть дѣлима и законодательная власть, ибо такъ же не существуетъ двухъ, трехъ или четырехъ законодательныхъ властей, какъ не существуетъ двухъ, трехъ или четырехъ сувереновъ. Наоборотъ, если вы раздѣлите законодательную власть на двѣ или на три части, то на столько же частей раздѣлите и суверена; а сдѣлать этого люди не могутъ, ибо они не могутъ сдѣлать, чтобы суверенъ, представляющій собой единую совокупность всѣхъ, пересталъ быть такой единой совокупностью всѣхъ».

Ту же мысль, до известной степени, развивалъ въ засѣданіи 5-го сентября Турэ, сказавъ, что «едва ли было бы цѣлесообразно раздѣлить на двѣ секціи законодательную палату, которая должна выражать общую волю». Тотъ же Турэ приводилъ и другіе доводы въ пользу одной палаты. Только при одной палатѣ представится возможность парализовать влияние сословной аристократіи. Вторая палата недопустима потому, что въ такомъ случаѣ сенатъ только однимъ голосомъ могъ бы отклонить рѣшеніе первой палаты. Кромѣ того, при существованіи королевскаго veto, veto второй палаты излишне и какъ гарантія противъ ошибокъ или злоупотребленій палаты представителей.

Противъ двухъ палатъ высказались также: въ засѣданіи 5-го сентября де-Монморанси и въ засѣданіи 7-го сентября де-Сильери. По мнѣнію первого, двухпалатная система недопустима по двумъ соображеніямъ: если бы обѣ палаты имѣли одинъ и тотъ же составъ, то одна изъ нихъ была бы просто излишней; если же вторая палата была бы сенатомъ, то тѣмъ самымъ установлялась бы аристократія и рабство народа,—въ особенности, если сенаторы будутъ назначаемы королемъ или несмѣняемы».

Тѣ же самыя мысли, лишь нѣсколько подробнѣе, въ общемъ, развивалъ и де-Сильери.

Мы разсмотрѣли теперь все главнѣйшее, что было сказано объ одной и двухъ палатахъ во французскомъ учредительномъ собраніи 1789 года. Говоря вкратцѣ, всѣ разсужденія на этотъ счетъ сводились къ слѣдующему:

1) Двѣ палаты необходимы, какъ средство обезпеченія наилучшаго законодательства.

2) Онѣ необходимы, какъ средство противъ злоупотребленій со стороны народныхъ представителей, организованныхъ въ одну палату.

3) Вторыя палаты могутъ обладать или абсолютнымъ или только суспенсивнымъ veto.

4) Составъ палатъ можетъ быть или различенъ, или одинаковъ (какъ въ случаѣ раздѣленія одной палаты на двѣ секціи).

5) Одна палата необходима потому, что суверенъ единъ и недѣлимъ.

б) Двухпалатная система или бесполезна (въ случаѣ одинаковаго состава палатъ) или вредна (если вторая палата имѣетъ «аристократическій» въ томъ или другомъ смыслѣ характеръ).

7) При двухпалатной системѣ меньшинство можетъ командовать большинствомъ; верхняя палата *только однимъ* голосомъ можетъ отклонять любое рѣшеніе нижней.

Если присмотрѣться къ этимъ разсужденіямъ и сравнить ихъ съ тѣми, какія ведутся и до настоящаго времени по поводу однопалатной и двухпалатной системы, то придется сознаться, что, поисгинѣ, ничто не ново подъ луной: и до сихъ поръ объ этомъ разсуждаютъ такъ же, какъ разсуждали болѣе ста лѣтъ тому назадъ во французскомъ учредительномъ собраніи 1789 года.

Интересно спросить въ заключеніе, какъ же отнеслось учредительное собраніе къ приведеннымъ выше доводамъ за и противъ одной и двухъ палатъ? Оно было настроено рѣшительно противъ двухъ палатъ. Какъ выразился Мирабо въ засѣданіи 4-го сентября, «сенатъ возмущилъ всѣ умы». И произошло это, съ одной стороны потому, что очень убѣдительнымъ казался аргументъ о недѣлимости суверена, а съ другой—потому, что боялись, установляя сенатъ, вернуться къ старой, только-что низвергнутой, аристократіи. Поэтому, когда въ засѣданіи 10-го сентября былъ поставленъ вопросъ: одна или двѣ палаты, однопалатная система была вотирована громаднымъ большинствомъ: изъ общаго числа 701 присутствующихъ членовъ за одну палату высказалось 490 членовъ, за двѣ палаты—89; воздержалось—122.

А. Рождественскій.

КООПЕРАЦІЯ И РАЗВИТІЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛЪ СТРАНЫ.

I.

Въ Новгородской землѣ, въ небольшомъ, но живомъ, бойкомъ городкѣ Боровичахъ три или четыре года назадъ образовался союзикъ мѣстныхъ кооперативовъ подъ названіемъ «Боровичско-Валдайское кустарное и сельскохозяйственное союзное товарищество».

Въ немногихъ словахъ организація этого уѣзднаго кооперативнаго союза сводится къ слѣдующему:

Крестьяне этой мѣстности занимаются кустарнымъ промысломъ по изготовленію вязаныхъ теплыхъ вещей, въ обычное время на рынокъ, теперь преимущественно на армію.

Вязальные машины размѣщены по избамъ работающихъ семей.

Семьи вязальщиковъ одного селенія или близъ лежащихъ деревень, составляютъ мѣстный кооперативъ, со взносомъ отъ каждой машины въ капиталъ товарищества 40 руб. и съ дополнительной отвѣтственностью въ суммѣ 400 рублей.

Отдѣлка вязаныхъ издѣлій: выварка для очистки и усадки, окраска производится на товарищескихъ заводахъ.

150 такихъ товариществъ составляютъ упомянутый выше Союзъ, который получаетъ отъ казны сырье, ведетъ расчеты, распредѣляетъ заказы, снабжаетъ

кустарей продовольствіемъ, кредитуетъ, инструктируетъ, слѣдитъ за правильностію хода дѣла со стороны коммерческой, технической и общественной.

И весь этотъ сложный организмъ снизу доверху построенъ на началахъ *добровольнаго* сотрудничества, никѣмъ не понуждаемой взаимной помощи.

Всѣ средства, которыя выплачиваетъ казна и рынокъ за вязаные издѣлія цѣликомъ поступаютъ на оплату усилій тружениковъ, исключая обычное въ такихъ случаяхъ *посредничество*, а иногда и прямо выжиманіе пота.

Небольшія отчисления, оставляемые на запасъ въ недѣлимомъ фондѣ союза, благодаря массовому производству, составляютъ теперь солидный капиталъ, дающій возможность создавать новыя товарищескія предприятия.

Всего года три существуетъ Боровичскій Союзъ. Однако за такой короткій срокъ онъ приобрѣлъ механической литейный заводикъ, въ которомъ производится ремонтъ вязальныхъ и сельскохозяйственныхъ машинъ, а въ будущемъ предполагается и постройка машинъ и орудій.

Союзу принадлежитъ также кожевенный заводъ-верстахъ въ 12-ти отъ города.

Въ городѣ же работаетъ союзная мельница.

Здѣсь же имѣется вязальная мастерская для городскихъ вязальщицъ, а также и школа, гдѣ подростки обучаются вязальному мастерству.

Союзъ имѣетъ типографію, въ которой печатаются бланки и счетоводныя книги для товариществъ, а также и издаваемая на средства Союза мѣстная газета «Народный Трудъ».

Материальныя и духовныя нужды населенія одинаково учитываются кооперативнымъ союзомъ.

Имъ организована мастерская для починки обуви и открытъ книжный складъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года Союзъ на свои средства организовалъ двухнедѣльные курсы по вопросамъ гражданскаго устройства для мѣстнаго учительства и другихъ, желающихъ поучиться, лицъ.

Работающіе здѣсь кооператоры богаты планами на дальнѣйшее примѣненіе кооперативнаго метода въ хозяйственной жизни района.

Боровичскій уѣздъ обладаетъ богатѣйшими залежами огнеупорной глины.

Въ данное время разработка этихъ богатствъ ведется частью иностраннымъ капиталомъ, частью мѣстными силами, но совершенно примитивно, обезцѣнивая мѣсторожденія и создавая затрудненія для разработки ихъ въ будущемъ.

Пересѣкающая уѣздъ рѣка Мста, съ быстрымъ теченіемъ, порожистая—представляетъ собою неисчерпаемый источникъ дешевой двигательной силы.

Промышленное маслодѣліе, едва начавшееся въ уѣздѣ, имѣетъ также всѣ данныя для развитія въ виду обилія травъ и близости обѣихъ столицъ. Словомъ, кооперативный методъ, такъ недавно и такъ успѣшно примѣненный въ здѣшнемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, можетъ глубоко внѣдриться въ производственную жизнь крестьянства и дать могучій толчокъ къ развитію производительныхъ силъ въ новой Свободной Россіи.

Да вѣдь положеніе таково же и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

II.

И все же кооперативный метод далеко еще не пользуется у нас широким признанием интеллигентских кругов.

«Добровольное» начало единения туго прививается къ психологии интеллигента, выросшаго при господствѣ чиновничьей указки.

Руководящіе круги российской интеллигенции отравлены самодержавіемъ, упоены вѣрой въ безусловную дѣйственную силу *политической власти*.

Грубо-упрощенный трафаретъ мышления сегодняшняго дня сводится къ слѣдующему: «соберется, молъ, Учредительное Собрание, вотируетъ социализацію земли и этимъ разрѣшатся всѣ основные вопросы сельской жизни».

На съѣздѣ инструкторовъ-кооператоровъ, состоявшемся въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, выступилъ съ рѣчью министръ земледѣлія В. М. Черновъ. Признавъ нѣкоторое значеніе за кооперативнымъ методомъ въ прошломъ, В. М. Черновъ выразилъ увѣренность, что въ ближайшемъ будущемъ въ Россіи кооперативное начало уступитъ мѣсто, болѣе высокому, по его мнѣнію, началу «публично-правовому».

Такимъ образомъ г. министръ надѣется замѣнить кооперацию или государствомъ, или муниципалитетомъ.

В. М. Черновъ является въ данномъ случаѣ типичнымъ представителемъ той, отживающей, надо надѣяться, психологии, которая такъ свойственна «послѣдышамъ», когда-то жизненной и славной доктрины.

Во времена Лаврова и Чернышевскаго, дѣйствительно вопросы справедливаго распредѣленія и земли, и благъ изъ нея извлекаемыхъ, были наиболѣе вліятельными.

Теперь, когда Россія израсходовала даровые природные запасы, когда мы дѣйствительно и профѣлись, и изнасились, и обнищали, и задолжались,—теперь уткнувшись безъ оглядки только въ «распредѣленіе» и игнорировать запросы «производства», его полную своихъ закономѣрностей жизнь, могутъ только «послѣдыши».

Въ области производства всякая политическая власть имѣетъ весьма относительную силу.

Огосударствленіе сельскохозяйственныхъ промысловъ или муниципализація ихъ въ конечномъ итогѣ выдвигаетъ знакомую фигуру «чиновника» и ставитъ вопросъ: можетъ ли чиновникъ дать нашей странѣ развитіе производительныхъ силъ?

При этомъ для законовъ производственной жизни, законовъ конечно, тоже относительныхъ, а не абсолютныхъ, обусловленныхъ культурой настоящей Европейской «среды», —чиновникъ монархіи и чиновникъ республики,—чиновникъ-конституціоналистъ и чиновникъ-соціалистъ одинаково ограничены въ своемъ могуществѣ.

Въ созданіи Боровичскаго кооперативнаго союза довольно видное участіе, вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями, принималъ одинъ изъ петроградскихъ чиновниковъ, г. Луковенко. Мѣстные дѣятели очень хорошо вспоминаютъ его труды, ибо онъ далъ правильную кооперативную постройку намѣченному дѣлу и обезпечилъ ему силу внутренняго развитія и роста именно примѣненіемъ *добровольнаго* начала производственной организаціи.

А еслибъ г. Луковенко увлекался публично-правовыми началами организаціи производства, то можно навѣрное сказать,—было бы здѣсь много чиновниковъ и мало дѣла.

Нѣтъ, передъ лицомъ страшной хозяйственной разрухи, намъ необходимо выйти изъ тумана словъ, такъ густо окутывающаго нашихъ путаныхъ соціалистовъ.

Для тѣхъ, кто полагаетъ, что социализація производства дѣло не сегодняшняго дня, во всякомъ случаѣ, должно быть ясно установлено, что только два способа развитія производительныхъ силъ передъ нами: капитализмъ и кооператизмъ.

Тотъ и другой способъ въ основу организаціи кладутъ начало добровольное.

Всякія попытки втиснуть въ область производственныхъ отношеній публично-правовыя начала рѣшительно и опредѣленно поведутъ къ усилению капитализма, ибо они создадутъ реакцію противъ всякаго общественнаго производства въ томъ числѣ и кооперативнаго.

Россія страна еще очень молодая. Только въ новой Россіи капитализмъ сможетъ пріобрѣсти тотъ размахъ, который ему свойствененъ по его природѣ.

Соціалистическія увлеченія сегодняшняго дня, есть поверхностныя увлеченія юношества.

И наша интеллигенція, и многіе сознательные передовые рабочіе и крестьяне несомнѣнно будутъ захвачены колесомъ побѣдоноснаго шестивія капитализма и найдутъ себѣ мѣсто въ его созидательной работѣ.

При такихъ условіяхъ отстаивать кооператизмъ, какъ движеніе *этически самоцѣльное*, придется съ большими трудностями.

И союзъ съ «соціалистами-распредѣлителями», съ соціалистами, которыхъ мечтательность влечетъ къ бюрократизаціи производства, къ застою, а не движенію,—этотъ союзъ для кооператоровъ не нуженъ.

Опираясь на свою собственную идеологию, мы кооператоры, будемъ устойчивѣе и сильнѣе, ибо новая Россія будетъ жить подъ знакомъ развитія производительныхъ силъ, а не подъ знакомъ равенія по пицетѣ.

Капитализмъ нашъ соперникъ, но у него есть чему поучиться.

Распредѣлительный соціализмъ весь въ прошломъ. Мы видимъ теперь не зарю его восхода, а его величественный закатъ.

А. Евдокимовъ.

Отъ редакціи: Охотно давая мѣсто статьѣ многоопытнаго и уважаемаго кооператора, мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить, что социализирующія тенденции историческаго процесса многообразны и сложны, и потому мы оставляемъ на собою право въ будущемъ освѣтить эту тему и съ иной стороны.

СВОБОДНАЯ РОССІЯ И АНГЛИЧАНЕ.

Англичанину не совсѣмъ легко писать въ настоящій моментъ объ англо-русскихъ отношеніяхъ. Легче было мѣсяца три тому назадъ, когда вѣсти о первыхъ шагахъ революціонной Россіи волновали и радовали англійскій народъ, зажигали у насъ огонь новой вѣры въ человѣчество. До сихъ поръ, мнѣ кажется, не достаточно извѣстно въ Россіи, какое глубокое впечатлѣніе произвела въ Англии русская революція.

Кто знает англичанъ, знает, что въ цѣломъ они очень отзывчивы на всякій духовный подъемъ. Русская революція дѣйствительно казалась имъ желаннымъ духовнымъ откровеніемъ среди кошмара невыразимо тяжелой войны. Наконецъ, мы знаемъ, зачѣмъ мы воюемъ, — радостно писали солдаты изъ окоповъ. Какъ будто невозможное стало вдругъ возможнымъ. Старыя избитыя слова о торжествѣ справедливости, объ освобожденіи міра получили новый жизненный смыслъ. На нѣкоторое время воцарилось въ Англии настроеніе, которое можно опредѣлить какъ англійское славянофильство. Благодаря Россіи воскресло въ Англии воодушевленіе, юношескій, романтический порывъ первыхъ дней войны. Въ русской революціи была могучая, заразительная сила. Англійскій народъ, ставшій угрюмымъ и суровымъ въ грозномъ и нескончаемомъ ратномъ трудѣ, почувствовавъ дуповеніе русской свободы, вдругъ сдѣлался благороднѣе, чиннѣе, мягче, вдохновился новой вѣрой въ свое великое дѣло, сталъ смотрѣть съ новой надеждой въ будущее.

Мы за это благодарны и всегда будемъ благодарны. Много случилось съ тѣхъ поръ, но то свѣтлое время никогда не забудется. Бываютъ въ человѣческой жизни моменты вдохновенія. Затѣмъ слѣдуютъ сѣрые будни, но видѣнное однажды въ счастливый день откровенія поддерживаетъ силу и вѣру, просвѣтляетъ разумъ, придаетъ постоянный смыслъ тяжелой борьбѣ. Благодаря русской революціи, мы твердо знаемъ теперь, что есть солнечный свѣтъ за мрачными тучами современной исторіи. Мы успѣли одуматься, осмотрѣться. Мы получили возможность яснѣе опредѣлить свое собственное положеніе, внять голосу совѣсти, провѣрить собственныя желанія. Это было, это остается.

Но многое въ русской революціи, особенно въ ея дальнѣйшихъ стадіяхъ, вызываетъ у англичанъ глубокое безпокойство. Мы знаемъ по опыту, какая хрупкая вещь свобода. Мы сами въ трудной, многовѣковой борьбѣ завоевали собственную политическую свободу. И порой намъ казалось, что русскій народъ слишкомъ легкомысленно относится къ этому драгоценному дару. вмѣсто того, чтобы тщательно укрѣплять основы политической свободы, вмѣсто того, чтобы давать народнымъ массамъ, то элементарное политическое просвѣщеніе, которое одно могло бы служить твердой опорой новаго режима, руководители крайнихъ и теперь уже вліятельныхъ теченій стали требовать отъ неподготовленныхъ умовъ, отъ явно неподготовленной среды, немедленнаго разрѣшенія сложнѣйшихъ соціальныхъ и международныхъ проблемъ. Поддерживалась иллюзія, что въ Россіи все возможно, что Россія въ сущности уже достигла вершины политическаго и соціальнаго развитія.

Англійскій народъ за это время находился по отношенію къ Россіи въ положеніи скучнаго наставительнаго дяди при молодомъ и бурностремительномъ племянникѣ. Намъ просто не хотѣли слушать. Даже разговаривать не хотѣли. Надо признаться, что положеніе англичанъ въ Россіи стало въ извѣстныхъ отношеніяхъ значительно труднѣе послѣ революціи. Отчасти это естественно. Прежде нельзя было совершенно откровенно говорить о недостаткахъ въ нашей политической и соціальной жизни. Теперь именно объ этихъ недостаткахъ стали усиленно говорить и писать, часто крайне тенденціозно и односторонне. Если раньше отношеніе къ Англии было отчасти

условно-дружеское или наивно восторженное, теперь замѣчался поворотъ въ обратную крайность. Англичанъ просто-на-просто объявили «империалистами», и шаблонныя нѣмецкія обвиненія противъ Англии получили широкое распространеніе. Наши многочисленные делегаты встрѣчались холодно, совершенно независимо отъ ихъ личнаго характера, просто потому, что они были англичанами, представителями «империалистической» страны. Намъ навязывали извѣстные лозунги, требовали отъ насъ немедленнаго и безусловнаго присоединенія, не давали даже возможности дружески обсуждать, выяснять, конкретизировать.

Трудно было, но было бы нелѣпо изъ-за этого обижаться. Во-первыхъ, тутъ было много искусственнаго, много явно преходящаго. Во-вторыхъ, при принужденныхъ сношеніяхъ съ разными кругами русскаго народа, англичане, почти всегда встрѣчали сердечное расположеніе и пониманіе. Но дѣло не въ отношеніи къ намъ. Вамъ гораздо интереснѣе, какъ относится русскій народъ къ Россіи, къ своей собственной судьбѣ. Судьба свободной Россіи дѣйствительно имѣетъ міровое значеніе. Міровое значеніе Россіи не состоитъ въ томъ, что извѣстная группа, внезапно получившая вліяніе на неустойчивую и малосознательную массу, можетъ отъ имени Россіи диктовать всему міру свои лозунги. Оно состоитъ въ томъ, что русская свобода, дѣйствительно окрѣпшая, осознанная всѣми слоями народа, не только какъ льгота, а какъ долгъ, какъ подвижъ, какъ побужденіе къ интенсивному развитію всѣхъ силъ, будетъ огромнымъ стимуломъ къ раскрѣпощенію во всемъ остальномъ мірѣ. И наоборотъ, гибель русской свободы обозначитъ новую побѣду реакціи во всей Европѣ.

Мы всѣ кровно заинтересованы въ русской свободѣ. Русская революція вдругъ, какъ будто приблизила политическое освобожденіе всей Европы. А если русская свобода погибнетъ? Я могу утверждать, что сейчасъ ничто такъ не волнуетъ англійскаго общества, какъ судьба русской свободы. Тревожно стало. Всѣ чувства разочарованія и огорченія изъ-за всякихъ ошибокъ и увлеченій, изъ-за братанья, изъ-за разстройства русской арміи, съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, дальнѣйшимъ затягиваніемъ войны, — всѣ поглощены теперь одной заботой.

Неужели Россія не останется Россіей?

Неужели Россія, освобожденная, погибнетъ?

И когда вопросъ ставится такъ рѣзко, у многихъ изъ насъ сразу получается рѣзкій отвѣтъ.

Мы не можемъ не вѣрить въ Россію.

Будутъ тяжкія испытанія, но Россія будетъ, и Россія будетъ свободной.

Г. Вильямсъ.

СОСЛОВНОСТЬ.

Послѣ акта 2 марта объ отреченіи отъ престола Николая II, акта, формально признающаго революцію, — актъ 8 іюля является пораженіемъ революціи. Въ своемъ историческомъ заявленіи объ уходѣ, кн. Г. Е. Львовъ совершенно опредѣленно указалъ на причины пораженія революціи: дѣйствія власти отвѣчаютъ не «общегосударственной пользѣ», а «партийной программѣ». Иначе, пожалуй, и быть не могло,

ибо источником власти провозгласил себя Исп. Ком. Сов. раб. деп. Подтверждая суверенные права народа, революция создает новую власть. Так было 2 марта. Перебрасывая источник власти путем искусственным, без проявления воли всего народа, совершают мирный переворот в пользу одной группы населения. Так было 8 июля.

А когда частное преобладает над общим, когда гегемонией вместо «мы» является «я», тогда наступает период господства одного сословия, встречаемое противодействием других сословий. И тогда обнаруживается в полной мере закон обратной пропорциональности трения в быстроте движения. Задерживаемая сословными трениями, революция замедляет темп, останавливается, поворачивает вспять—и идет на убыль. Недаром еще старик Беджготт утверждал, что движение вперед обусловлено интеллектуальной и исторической «устойчивостью», талантом задержки для укрепления и дальнейшего затормаживания продвижения вперед. Иначе, поворот вспять неизбежен.

О повороте вспять, или прибегая к политическим терминам о «контр-революции» с настойчивостью, достойной лучшего применения, бездоказательно говорят изо дня в день «Новая Жизнь», «Рабочая Газ.» и «Известия Сов. р. и с. д.» Достоинно сожаления, что, вопреки контр-революции, газеты эти напоминают не в меру расшалившихся ребят, испуганно прячущихся после проказа и из-за угла кричащих: «Это не я сдѣлал!» Тон газет дышит нестерпимой злобой и озорным бахвальством. Стараются запугать «буржуазную» печать, забывая, что это запугивание в свое время практиковалось офицером Столыпина, Щегловитова, Макарова. Бросьте недостойную игру, русская печать не боится угроз! Газетчики из «Известий Сов. р. и с. д.»—не копируйте Гурлянда, он в своем роде неподражаем!

Лучше перейдем к существу. Если бы языки и перья Исп. Ком. Сов. р. и с. д. захотели осмыслить положение и, анализируя события, добраться до источников контр-революционного настроения, им не трудно было бы убедиться, что корень зла не зачатком далеко разыскивать.

Раньше—один примечательный факт. В газетах от 11 июня помещено пять воззваний от Исп. Ком. Сов. р., с. и к. д. Воззвание к армии начинается словами—«товарищи-солдаты»; к крестьянам—«братья-крестьяне»; к рабочим—«товарищи»; ко всему населению России—«граждане». Я—не рабочий, не солдат, не крестьянин, не член Сов. р. д., следовательно я «гражданин». Так как и ко мне обращено воззвание, я в праве предложить вопрос обращающимся ко мне. Вопрос этот заслуживает ответа. Почему сохранены сословные деления и удержана иногда терминология самодержавия? Если мы все «граждане»—на какой предмет из общей массы граждан выделяются отдельные категории, которым присвоено ношение званія «товарищ» или «брат»?

Лично для меня все пять воззваний Исп. Ком. Сов. р. с. и к. д. представляют только исторический интерес, ибо к политическому моему разуму и гражданскому чувству имет право апеллировать лишь Временное Правительство. Но я принужден ему указать, что считаю недопустимым деление

граждан на сословия первенствующая («товарищи»), второй степени («братья») и третьей («граждане» просто). Ровно 125 лет тому назад (и тоже по нашему стилю 11 июля—какое совпадение!) Законодательное Собрание объявило «отечество в опасности». Французская революция была окружена врагами: на нее шла вся Европа. И правительство, и якобинцы, и жирондисты, тогда еще зачинавшиеся, но находившиеся уже в яростной вражде, призывали: «Граждане, отечество в опасности». И быть может, единство граждан, равенство их и являлось лучшей гарантией будущих побед революционной Франции.

Отменяя сословия, великая революция создавала формальное равенство, что придавало огромную моральную силу новому порядку вещей. У нас замечается нечто обратное.

Из стари страна сословная, Россия впитала в себя сословный дух, от которого не так легко отрешиться. Мы знали силу и влияние «Совета объединенного дворянства». Оно за кулисами пыталось дѣлать политику. Оно знало лишь дворянство, как первенствующее сословие, другие классы для него существовали, как удобрение для земледельческой политики. «Мы»—дворяне и «она»—вся Россия. Такова была эта грубая классовая политика, приведшая страну к дикой реакции и к позору.

Мы знали организацию классовую, защищавшую интересы крупной индустрии. Она была обособлена, дѣлала свою политику и находилась далеко от всей России.

Что же является собой «Совет раб. деп.», как не такую же сословную организацию? Представительство одного класса (хотя бы и искусственное и случайное), класса рабочих—и потому классовая, сословная политика. А если организация замкнута в классовые свои интересы, она по необходимости эти интересы выдвигает на первый план, а прочее для нея—дѣло второстепенное. Так было с «Советом объединенного дворянства»; так было с представителями промышленности; так теперь с «Советом Раб. и С. д.» Нормальное для общего не может не быть нормальным и для частного.

И, когда Исп. Ком. Сов. разбивает граждан на рубрики по степени близости их к рабочему классу, я понимаю это и оправдываю, как оправдывается неизбежность, которой не предотвратить. Короче, сословность, как действительный политический фактор, продолжает существовать в России и тому примером вся линия поведения того нового первенствующего сословия, которое представлено Сов. раб. и солд. деп.

Отсюда вывод: какое и каким образом может составиться коалиционное правительство? Коалиция—есть соглашение партий и представляемых ими классов. В соглашении честном всегда отказ от специально-сословных требований. Остается та равнодействующая, которая и образует национальную волю. Если Россия—в гибели, если ее нужно спасти,—сдѣлать это в состоянии не тот или другой класс, а все классы вместе. Не о министерствѣ «спасения революции (социальной?)» рѣчь, а о министерствѣ «спасения России», которая втягивает в себя и понятие, и факт революции.

Тут не может быть недоговоренностей и лицемерия. Нельзя создавать искусственных органов, которые хотѣли бы кого-то или что-то представить,

Партия радикаль-демократическая или партия республиканско-демократическая, вчера рожденная, об известны пока лишь своим учредителям. В процессе развития они могут превратиться в представительство от той или иной группы населения. Но в настоящее время—они фикция. И быстрое поднятие их на дрожжах Исп. Ком. Сов. р. и с. д. что существу—фикция, тем более опасная, что происходит насждение обмана. Сов. р. и с. д. нужна «буржуазия». Половина портфелей для буржуазии!—и, не находя ее, создают эту буржуазию, неизвестно всего представляющую. Такая «буржуазия», как органически и механически не связанная ни с какими группами населения, является *безотвѣтственной*. Она может ограничивать себя до максимума—пред кем ей отвѣчать?—но не сумеет ограничить контр-агента И потому она обречена итти на поводу у рдизшаго ее Исп. Ком. Сов. р. и с. д. и подчиняться отечески-суровой опеке.

Тут и пѣть и видимости коалиции, а какое-то сплошное недоразумѣние, недоразумѣние печальное. Его результат—все остается без измѣненія. Исп. Ком. С. р. и с. д. окружил себя для проформы—«буржуазией». Но политика Исп. Ком. С. р. и с. д. остается непрежнему политикой классовый, политикой первенствующаго нѣг сословія, для котораго другія сословія существуют, как неизбежное зло. Если это отлично знают и потому так остроумно комбинируют главари Исп. Ком. Сов.,—сознают ли создавшееся положеніе вещей поддѣльные представители поддѣльной «буржуазии?»

Петръ Рысь.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отступление русской армии.—Тревога въ русском обществе.—Мѣры борьбы съ анархией и разложением въ армии.—Московское совѣщаніе.—Социалистическіи или коалиціонный внутренній фронтъ.—Необходимость пересмотра правительственной программы.—Пролетарско-социалистическіи или общегосударственные задачи.—Классовая борьба и народныя нужды.—Переговоры о коалиціонномъ министерствѣ.

Вся Россія говоритъ об исключительно тяжелых затрудненіяхъ, которыя мы переживаемъ въ настоящій моментъ. Эти затрудненія, если они во время не будутъ устранены, могутъ получить катастрофическій характеръ. Они созданы отступленіемъ русской армии. Вотъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что происходитъ на нашемъ фронтѣ,—это телеграмма генерала Корнилова: «Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей, неограждавшихся властью отъ систематическаго развращенія и разложенія, потерявшихъ чувство чело-вѣческаго достоинства, бѣжить. На поляхъ, которыхъ нельзя даже назвать полями сраженія, царятъ сплошной ужасъ, позоръ и срамъ, которыхъ русская армія еще не знала съ самаго начала своего существованія... Отступление началось 6-го іюля при первомъ же натискѣ австро-германской армии Бемъ-Ермолли, первоначальная ударная группа которой не превышала трехъ, четырехъ дивизій. Бѣгущія войска обнажали фланги сосѣднихъ войсковыхъ частей и темъ вынуждали и ихъ также отступать, или подставлять себя подъ фланговую огонь противника. Неприятель, глубоко вклиниваясь своимъ прорывомъ, не только идетъ

по пятамъ отступающихъ, но и затрудняетъ отступление на востокъ нашимъ седьмой и восьмой арміямъ, чѣмъ создается для нихъ чрезвычайно тяжелое положеніе».

Какъ теперь уже выяснилось, бѣгство и неповиновеніе начальству въ воинскихъ частяхъ 11-й арміи, пріисекли изъ новыхъ пополненій, пришедшихъ изъ Петрограда и состоявшихъ почти сплошь изъ большевиковъ.

Вся Россія содрогнулась отъ этой новой измѣны, пріисшедшей вслѣдъ за петроградскимъ возстаніемъ, которая ставитъ отечество и русскую армию въ болѣе критическое положеніе, чѣмъ наше отступление въ 1915 году. Теперь ужъ ясно, кто виновенъ въ этомъ. Соединенное засѣданіе центрального исполнительнаго комитета с. р. и с. д. и исполнительнаго комитета кр. д. приняло подавляющимъ большинствомъ голо-совъ резолюцію, въ которой говорится, что «руководящая организация большевистской фракціи вела среди солдатъ и рабочихъ безотвѣтственную демагогическую агитацию, закончившуюся открытымъ мятежемъ противъ воли революціоннаго большинства, содѣйствуя этимъ внутри страны возникновенію гражданской войны и контр-революціи, а на фронтѣ—пораженію». А. Ф. Керенскій назвалъ открывшихъ прорывъ трусами и агентами германскаго правительства.

Въ дни столь роковыхъ событій какъ будто миновала пора колебаній. Временное Правительство, опирающееся на центральные комитеты революціонныхъ организацій, рѣшило принять мѣры борьбы съ анархией внутри страны и съ разрухой въ арміи. Противъ участниковъ петроградскаго возстанія начато судебное преслѣдованіе, часть ихъ арестована. Признано необходимымъ карать за рѣчи и призывы къ возстанію, неповиновенію и гражданской войнѣ. На театрѣ военныхъ дѣйствій возстановлена смертная казнь за неповиновеніе распоряженіямъ военнаго начальства, бѣгство, дезертирство, сдачу въ плѣнъ безъ сопротивленія.

Въ наступившіе судныя дни какъ-будто понято наконецъ, что для борьбы съ надвигающимися бѣдствіями, для спасенія дѣла свободы необходимо единеніе и сотрудничество всѣхъ живыхъ силъ страны, что нужно прекратить междоусобіе внутри страны и создать крѣпкую, всѣмъ снабженную армию на фронтѣ. Какъ въ 1915 году, когда на край гибели Россію поставилъ старый деспотическій режимъ, страна отвѣтила подъемомъ энергии и взрывомъ патріотизма, такъ и теперь когда демагогическая агитация, ведшаяся на нѣмецкія деньги, разжигавшая классовую ненависть, привела къ внутренней анархії и къ позорному бѣгству русской армии, Россія должна сплотиться въ дружномъ отпорѣ вражескимъ силамъ. Узко-классовые и партійные счеты и стремленія должны уступить мѣсто общегосударственнымъ задачамъ. Когда отечество въ опасности, нужно дѣло, а не диспуты объ «углубленіи революціи», нужно не размежеваніе на партійныя и фракціонныя дѣленія, а единый коалиціонный фронтъ. И въ эти дни мы слышимъ изъ устъ А. Ф. Керенскаго, что управленіе государствомъ должно быть построено на коалиціонномъ принципѣ. «Мы считаемъ,—сказалъ Керенскій въ соединенномъ засѣданіи центральныхъ комитетовъ,—что въ настоящее время всѣ живыя силы государства, враждебныя реакціи и контр-революціи, должны объединиться вокругъ Временнаго Правительства, пославъ въ его

составъ своихъ представителей». Въ этихъ цѣляхъ предполагено созвать въ Москвѣ особое совѣщаніе изъ представителей различныхъ общественныхъ организацій. Это совѣщаніе должно помочь дѣлу концентрации силъ, единенію всѣхъ для спасенія родины отъ грозящихъ ей извнѣ и изнутри роковыхъ опасностей. На совѣщаніи, предполагалось, будутъ представлены не только социалистическіе, но и «буржуазные» слои населенія, «буржуазныя» партіи, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ стоятъ въ данный моментъ въ сторонѣ отъ государственной работы и поддержка которыхъ столь же нужна Временному Правительству, какъ и поддержка социалистической демократіи, для того, чтобы правительство стало общенациональнымъ и могло рассчитывать на возможность справиться съ общегосударственной разрухой. Какъ все это сложится, предсказать пока трудно.

Во всякомъ случаѣ, необходимое единеніе и сотрудничество можетъ создаться только при извѣстныхъ условіяхъ. Объединяють общегосударственныя задачи, разъединяють узко-классовыя стремленія. Все, что усиливаетъ классовую борьбу, что питаётъ междоусобіе въ странѣ, можетъ только разъединять людей въ враждующе лагеря. И расхождение тутъ не въ томъ, что нарушаются классовые интересы той или другой стороны, а въ томъ, что исключительное, ни съ чѣмъ не сообразуемое удовлетвореніе чьихъ-либо однихъ узко-классовыхъ интересовъ наноситъ ущербъ цѣлому, всей странѣ, всему государству.

Мы уже говорили о деклараціи новаго правительства, въ которой изложена правительственная программа. Она составлена еще до того, какъ истинные размѣры надвинувшихся бѣдствій были ясно сознаны, до того, какъ «единеніе и сотрудничество всѣхъ живыхъ силъ страны» стало лозунгомъ дня. Опубликованная программа заключаетъ многое, что приемлемо и для тѣхъ, кто стоитъ на общегосударственной точкѣ зрѣнія, но въ ней есть и то, что можетъ разъединять.

Нужно ли доказывать, насколько дезорганизуемыми хозяйственную жизнь страны оказались чрезмѣрные, а въ военное время безусловно недопустимыя экономическія требованія городского пролетаріата? Эти требованія, если удовлетворялись, то не рѣдко ставили въ тяжелое положеніе промышленныя предприятия, а если полностью не удовлетворялись, то вели или къ остановкѣ производства и уменьшенію производительности страны въ моментъ, когда во всемъ для страны такая острая надобность, или приводили къ захватамъ предприятий, къ насиліямъ, безпорядкамъ, къ устраненію технического персонала и въ концѣ концовъ къ разрухѣ и развалу.

Эти явленія не встрѣчали до послѣдняго времени никакого отпора со стороны Временнаго Правительства. И теперь въ новой правительственной программѣ говорится о контролѣ за промышленностью, объ огражденіи интересовъ рабочихъ, и ни словомъ программа не упоминаетъ о необходимости охраны самой промышленности, о содѣйствіи развитію производительныхъ силъ, какъ будто въ этомъ заключается лишь интересъ промышленниковъ, который не къ лицу защищать социалистическому правительству, а не интересъ всего государства. Столь же разрушительныя послѣдствія имѣетъ аграрная анархія. Она понижаетъ сельско-хозяйственную производительность. Земельныя захваты, принудительное удаленіе рабочихъ, разграбленіе экономій ведетъ къ разрушенію сельскаго

хозяйства и уменьшаетъ количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и прежде всего хлѣба, столь нужнаго для арміи и всей страны. Между тѣмъ энергичной борьбы съ аграрной анархіей нѣтъ и не было. Болѣе того. Нѣкоторыми циркулярами министерства земледѣлія такіе земельные захваты даже закрѣпляются. Въ этомъ направленіи велась дѣятельность нѣкоторыхъ земельныхъ комитетовъ по «регулированію земельныхъ отношеній».

Въ послѣднемъ засѣданіи главнаго земельного комитета, какъ отмѣчаетъ въ своей рѣчи А. С. Посниковъ, представители нѣкоторыхъ земельныхъ комитетовъ признавали земельные захваты правильнымъ и желательнымъ явленіемъ, и заявленія эти не встрѣтили протеста. Вышедшій изъ состава Временнаго Правительства первый его министр-предсѣдатель кн. Г. Е. Львовъ назвалъ земельную программу, проводимую министерствомъ земледѣлія, «программой партійной», «гибельной для Россіи», «не отвѣчающей общегосударственной пользѣ», «подрывающей народное правосознаніе». Между тѣмъ и въ новой правительственной деклараціи аграрная программа, хотя и заключаетъ въ себѣ указаніе, что «регулированіе поземельныхъ отношеній» будетъ вестись въ цѣляхъ устраненія земельныхъ захватовъ, но не содержитъ непосредственныхъ мѣропріятій, направленныхъ на борьбу съ аграрной анархіей.

Это—принесеніе въ жертву ради демагогіи и партійности, ради революціонныхъ лозунговъ «классовой борьбы» дѣйствительныхъ интересовъ народа. Удовлетвореніе народныхъ нуждъ связано съ устраненіемъ хозяйственной разрухи. Отъ этого зависитъ и исходъ войны, и укрѣпленіе дѣла свободы, и успешное строительство новой жизни. Въ эту сторону должна быть направлена вся энергія Временнаго Правительства и всѣхъ живыхъ силъ страны. Демагогія и партійность должны смолкнуть передъ этими дѣйствительными народными нуждами. Ихъ удовлетвореніе и спасеніе дѣла свободы можетъ быть достигнуто только путемъ прекращенія междоусобія и ослабленія классовой борьбы.

Страшныя опасности окружають Россію. Фронтъ прорванъ, внутри междоусобія и анархія. Въ странѣ не хватаетъ хлѣба. По даннымъ министерской «Торгово Промышл. Газеты», ожидаемый сборъ хлѣбовъ 1917 года по причинѣ недосѣва и неблагоприятныхъ видовъ на урожай не обѣщаетъ покрыть всей годовой потребности въ хлѣбахъ страны и арміи. Какъ и въ прошломъ году, мы окажемся съ хлѣбнымъ дефицитомъ. Выработанный правительствомъ планъ снабженія не далъ ожидавшихся результатовъ. Недавно въ печати была помѣщена весьма тревожнаго характера телеграмма атамана области войска донского ген. Каледина о положеніи горнозаводскихъ предприятий Юга Россіи. На заводахъ происходятъ рабочіе безпорядки, которые ведутъ къ сокращенію добычи угля и антрацита. Сокращеніе добычи по отдѣльнымъ шахтамъ за короткое время достигло 40%. Самымъ крупнымъ предприятиемъ въ ближайшее время грозитъ полное прекращеніе выработки минеральнаго топлива. Послѣдствіемъ этого атаманъ предвидитъ прекращеніе добычи топлива, остановку желѣзнодорожнаго движенія, прекращеніе доставки хлѣба, гибель всѣхъ видовъ промышленности. Страна замереть, фронтъ будетъ разбитъ съ тыла. Генераль Калединъ обращается къ горнопромышленникамъ и

рабочимъ съ горячимъ призывомъ приложить всѣ силы къ поддержанію порядка, принять всѣ мѣры къ улучшенію оборудованія заводовъ, не допускать вмѣшательства рабочихъ въ административные, горно-техническіе и хозяйственные вопросы, какъ, напри- мѣръ, устраненіе и арестъ лицъ администраціи, захватъ въ свои руки управленія рудниками и т. п. Тоже происходитъ и происходило на многихъ текстиль- ныхъ фабрикахъ центрального промышленнаго района.

Нужна не только охрана интересовъ труда, нужна охрана промышленности, какъ одной изъ отраслей народнаго хозяйства. Необходима забота о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, но не менѣе важны охрана и поддержаніе вообще сельскаго хозяйства, какъ одной изъ важнѣйшихъ основъ государственнаго хозяйства.

Это—задачи общегосударственныя и онѣ должны стоять выше всякихъ интересовъ классовыхъ и партійныхъ.

Предыдущее было написано, когда въ печати появились извѣстія о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ партія народной свободы находить возможнымъ участіе ея представителей въ коалиціонномъ кабинетѣ. Опубликована также декларация представителей торго- вли и промышленности, въ которой также изложены условия, на которыхъ могли бы принять участіе во Временномъ Правительствѣ представители торгово- промышленнаго класса. Обѣ политическія и обще- ственныя группы выдвигаютъ на первый планъ обще- национальныя задачи, продолженіе войны въ тѣсномъ единеніи съ союзниками, отложеніе всякихъ социаль- ныхъ измѣненій до созыва Учредительнаго Собранія, принятіе рѣшительныхъ мѣръ борьбы съ анархіей и признаніе за промышленностью и торговлей государ- ственнаго значенія.

Когда пишутся эти строки, переговоры объ органи- зации коалиціоннаго министерства еще не окончены. Пожелаемъ, чтобы исходъ переговоровъ имѣлъ поло- жительные результаты.

Н. Иорданскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Германскій кризисъ и въ частности связанная съ нимъ декларация парламентскаго большинства о цѣляхъ войны вызвали откликъ и въ странахъ центрально-европейскихъ державъ, и въ странахъ державъ согласія. Германскіе союзники, по крайней мѣрѣ ихъ официальныя сферы, стараются подчерк- нуть, что между ними и Германіей нѣтъ никакихъ разногласій. 10 июля, какъ передаютъ изъ Стокгольма, графъ Тисса произнесъ въ венгерской палатѣ депу- татовъ рѣчь, въ которой заявилъ, что въ виду пред- стоящаго перерыва засѣданій палаты, онъ находитъ нужнымъ высказаться по поводу сдѣланныхъ въ гер- манскомъ рейхстагѣ заявленій. Онъ считаетъ, что принесетъ пользу дѣлу мира, констатируя, что всѣ факторы общественной жизни въ Венгріи солидарны съ заявленіями, сдѣланными общественными груп- пами въ Германіи. Сдѣланныя попытки создать впе- чатлѣніе, что въ этомъ отношеніи существуютъ разно- гласія между Австро-Венгріей и Германіей, по сло- вамъ Тиссы, разсѣиваются фактами. При оживленныхъ одобреніяхъ со стороны правыхъ, «Тисса протесто- валь противъ утвержденій, будто Венгрія не готова стойко выносить тяжести войны и до послѣдней капли

крови сражаться за достиженіе почетнаго мира, обезпечивающаго жизненные интересы Австро-Вен- грии».

Какъ бы ни подчеркивалась эта солидарность между Германіей и Австріей, но отъ внимательнаго взгляда не можетъ укрыться, что послѣдняя гораздо болѣе жаждетъ мира, чѣмъ первая. Поэтому Австрія гораздо откровеннѣе подчеркиваетъ *готовность* свою заключить почетный миръ. Отвѣчая графу Тиссѣ, министр-президентъ Эстергази сказалъ: «Мы ведемъ— сказалъ онъ,—оборонительную войну и при заклю- ченіи мира нашей цѣлью не могутъ быть завоеванія. Въ согласи съ нашими союзниками мы заявили о нашей готовности заключить почетный миръ. (*Одобре- нія на всѣхъ скамьяхъ*).

На это отличіе Германіи отъ Австріи не разъ ука- зывали, и его, въ связи съ современными событіями, подчеркнулъ лордъ Сесиль въ своей рѣчи въ палатѣ общинъ.

Что касается общихъ цѣлей, которыхъ мы ста- раемся достигнуть въ этой войнѣ, то я выражу пол- ное согласіе съ депутатомъ Диллодомъ, что нашимъ главнымъ врагомъ является не Австрія. Это утвер- жденіе—избитое общее мѣсто,—нашимъ главнымъ врагомъ является Германія.

Что касается до отношенія союзниковъ къ заявле- ніямъ большинства германскаго парламента, то оно выразилось въ продолжительныхъ дебатахъ послѣд- нихъ засѣданій палаты общинъ. Съ желѣзной непре- клонностью подчеркнулъ англійскій парламентъ свой старый взглядъ на войну и ея цѣли. Лордъ Сесиль въ вышецитированной своей рѣчи утвердилъ три основныя принципа пріемлемаго для Великобританіи мира.

«Что касается общаго принципа мира, то нашимъ первымъ принципомъ является—не покидать на- шихъ союзниковъ. Здѣсь упоминали объ Эльзасѣ- Лотарингіи. Въ этомъ вопросѣ Франціи надлежитъ принять рѣшеніе, а наше дѣло ее поддержать. Тотъ же принципъ примѣнимъ и ко всѣмъ прочимъ союзникамъ, въ особенности, къ Сербіи. Вторымъ принципомъ, за который борется Великобританія, является установленіе прочнаго право-порядка и дѣйствительнаго мира, основаннаго не на завое- ваніяхъ и порабоженіи, не на какомъ-либо націо- нальномъ принципѣ, но который по возможности га- рантировалъ бы установленный миромъ порядокъ отъ измѣненія въ будущемъ. Если мнѣ будетъ позволено выразить мое личное мнѣніе, то я скажу, что Велико- британія желаетъ также установить, до какой сте- пени осуществится въ мирныхъ переговорахъ предло- женіе Вильсона объ установленіи преградъ противъ войны въ будущемъ. Третья, главнѣйшая цѣль войны, часто формулировалась какъ разоруженіе германскаго милитаризма. По существу эта цѣль является составною частью втораго принципа. Ра- зоруженія германскаго милитаризма мы желаемъ по- тому, что онъ представляетъ угрозу собою для бу- душаго мира Европы».

Русскому народу внушили мысль, что войну въ Европѣ поддерживаютъ безответственныя кучки лю- дей, а не великія народныя массы. Мысль эта у насъ нашла хорошую почву, такъ какъ народъ нашъ не знаетъ условій жизни демократическихъ государствъ Запада и невольно переноситъ на нихъ знакомыя пред- ставленія, заимствованныя изъ нашего русскаго до-

реформенного обихода. Подъ несомнѣннымъ нѣмецкимъ вліяніемъ по отношенію къ демократіямъ Запада была совершена великая ложь, такъ какъ среди западныхъ государствъ кучка людей править развѣ только въ одной Германіи. «Я полагаю,—сказалъ лордъ Сесиль,—что если бы въ Германіи существовала демократія, то эта война никогда бы не возникла. Установленіе въ Германіи настоящаго демократическаго правительства явилось бы надежной гарантіей полнаго измѣненія германской политики; и соответственно уменьшилась та опасность, которую, представляетъ собою Германія».

Подобную же мысль подчеркнулъ и Асквиль при обсужденіи резолюцій германскаго рейхстага. «Дѣло заключенія мира есть дѣло не правительства, а народовъ, или—лучше сказать—является дѣломъ правительства постольку, поскольку они въ правѣ утверждать, что являются подлинными выразителями своихъ народовъ».

— Когда это требованіе,—продолжаетъ Асквиль,—будетъ осуществлено демократіями всего мира, тогда только мы фактически приблизимся къ заключенію почетнаго и прочнаго мира. Но пока это условіе не достигнуто, мы не должны стараться ускорить заключеніе мира, порождая впечатлѣніе, что наша рѣшимость поколебалась или что мы усомнились въ томъ, что нашихъ силъ окажется достаточно, чтобы нести далѣе то тяжкое бремя, которое мы возложили на себя въ ясномъ сознаниі тѣхъ великихъ цѣлей, къ которымъ мы стремимся, и которое мы только тогда будемъ въ правѣ честно сложить съ себя, когда почувствуемъ, что эти цѣли близки къ осуществленію.

Изложенныя пренія въ палатѣ общинъ убѣждаютъ насъ, что англійскій пасифизмъ въ послѣднее время не выросъ и не окрѣпъ. Большинство англійскаго общественнаго мнѣнія не стоитъ на сторонѣ Макдональда и той небольшой группы германофиловъ, которая всегда существовала въ Англии. Были извѣстія, что эта группа постарается овладѣть вниманіемъ делегатовъ С. Р. и С. депутатовъ, прибывшихъ недавно въ Лондонъ. Но мы не думаемъ, чтобы такая подтасовка общественнаго мнѣнія оказалась возможной. Поѣздка русскихъ делегатовъ, несомнѣнно, будетъ однимъ изъ многихъ «предметныхъ» уроковъ русскому социализму. Будемъ надѣяться, что, столкнувшись съ западными демократіями, нашъ молодой социализмъ откроетъ глаза на многое, чего онъ не видитъ изъ-за далекаго русскаго рубежа.

Въ Парижѣ состоялось засѣданіе союзнической конференціи по Балканскимъ дѣламъ. Привѣтствуя представителей союзныхъ державъ, Рибо сказалъ: «Греція вступила въ наши ряды. Ея переходъ на нашу сторону измѣняетъ военныя условія на Балканахъ. Мы должны обсудить новое положеніе и выяснить, какимъ образомъ долженъ быть пополненъ составъ армій, дѣйствующихъ на Ближнемъ Востокѣ, какія военныя операціи слѣдуетъ тамъ предпринять».

Въ этихъ словахъ французскаго министра намѣчена приблизительная программа работъ конференціи, свѣдѣнія о которыхъ очень скудно были переданы газетами. Но результаты ея въ смыслѣ опредѣленія будущихъ взаимоотношеній союзныхъ державъ закрѣплены въ слѣдующемъ единодушномъ заявленіи, принятомъ при закрытіи съѣзда:

«Союзныя державы нынѣ объединены тѣснѣе чѣмъ когда-либо для защиты правъ народовъ, въ осо-

бенности на Балканскомъ полуостровѣ, и рѣшили сложить оружіе лишь тогда, когда будетъ достигнута цѣль, по ихъ мнѣнію, господствующая надъ всѣми другими цѣлями, т. е. сдѣлать невозможнымъ преступныя нападенія, отвѣтственность за которыя несетъ империализмъ центральныхъ имперій.

Н. Н.

СРЕДИ КНИГЪ.

(БРОШЮРЫ О ВОЙНѢ).

Однимъ изъ вопросовъ первостепенной государственной важности, вызвавшимъ обширную брошюрную литературу, является вопросъ объ отношеніи къ войнѣ. Особенностью брошюръ, посвященныхъ войнѣ, сравнительно съ брошюрами объ учредительномъ собраніи, о республикѣ и т. д., является огромное разнообразіе во взглядахъ на войну, на ея причины и цѣли. Поэтому къ нимъ слѣдуетъ относиться съ особенной осторожностью; здѣсь на ряду съ пламенными патриотическими призывами мы всегда рискуемъ встрѣтиться съ пораженческими, измѣническими лозунгами, и критическое отношеніе, которое должна вызывать къ себѣ брошюра, наводнившая и переполнившая нашъ книжный рынокъ, является здѣсь особенно необходимымъ.

Вѣдь та простая истина, что побѣдоносный конецъ войны неизбѣжно связанъ съ побѣдоноснымъ шествіемъ и мировымъ вліяніемъ Великой Русской Революціи, къ нашему сожалѣнію, вѣрнѣе, къ ужасу всей Россіи,—еще является для нѣкоторыхъ спорной. Формула нашего правительства «миръ безъ аннексій и контрибуцій», на основаніи самоопредѣленія національностей, является простой только на первый взглядъ; въ дѣйствительности, она страдаетъ неясностью, неизбѣжно приводящей къ противорѣчіямъ и неизбѣжно вызывающей разнообразныя комментаріи и толкованія.

Такъ, приводится много доводовъ въ пользу необходимости требовать «не войны безъ аннексій, а войны до сокрушенія нѣмецкаго империализма». Горячей и общедоступной проповѣди напряженной и рѣшительной борьбы съ надвигающейся нѣмецкой опасностью посвящена небольшая брошюра кн. Евгенія Трубецкого «Гроза съ Запада» (Библиотека «Свобода и Право» № 1, ц. 10 к.).

Подробно выясняется необходимость доведенія войны до побѣды и ошибочность лозунга «окончить войну во что бы то ни стало» и въ популярной брошюрѣ проф. С. А. Котляревскаго «Война и Демократія» (изданіе московскаго областнаго военно-промышленнаго комитета. Ц. 10 к.) «Не можетъ демократія,—пишетъ проф. С. А. Котляревскій,—пойти теперь по пути, на который ее толкаютъ,—по пути общей разрухи и анархьи, взаимнаго истребленія и гражданской войны. Не можетъ теперь удовлетвореніе своихъ классовыхъ интересовъ въ эту минуту поставить выше интересовъ родины, грядущихъ поколѣній всего человѣчества. И не бросить она войну, отъ исхода которой зависитъ судьба и родины, и человѣчества. А не бросить ея, значитъ довести ее до общей побѣды».

Просто и удачно написана и хорошо издана брошюра прив.-доц. Ключникова «Революція и война» («Универсальная библиотека», Москва). Здѣсь излагается исторія возникновенія войны и тѣсная зависимость отъ нея нашей революціи. Интереснымъ и нужнымъ

является сравнение опубликованной за 3 месяца до революции декларации России и ее союзников об условиях заключения мира с декларацией Временного Правительства от 5 мая. Признавая за революционной Россией право воздвигать новые принципы при решении международных вопросов, автор указывает, что нужно быть готовым к тому, «что жизнь внесет в них свои собственные и, может быть, весьма существенные, поправки. Каковы эти поправки и насколько удаляются они от идеалов русского Временного Правительства, кто может знать. Одно несомненно: лучшими и наиболее приемлемыми для России окажутся те, которые будут допущены в согласии с желаниями и интересами союзных с Россией держав».

Издательство преподавателей Московского Университета, выпускающее серию брошюр «Народная бедность», уделяет вопросу о войне и уяснению необходимости победить немцев много внимания. При этом делается попытка говорить близким народу языком,—попытка очень трудная и нередко кончающаяся неудачей; здесь является соблазн упрощать не только способ выражения, но и понятия, а это путь очень скользкий: популяризация легко сбивается на вульгаризацию, а «народный язык» часто отзывается подделкой. Так, например, столь нужная теперь критика большевизма принимается у пр.-доц. Н. С. Арсеньева («О нашем Временном Правительстве, о свободе и порядке и о защите родины». Ц. 5 к.) следующую наивную форму: «много развилось охотников половить рыбу в мутной воде, которые пользуются тем, что время такое серьезное и трудное и стараются мутить, натравливая одних из нас на других, и часто зря... Зачем они это делают, Бог весть».

Гораздо удачнее брошюра пр.-доц. А. Бэликова «Почему нам надо победить немцев» (Ц. 5 к.).

Достигает своей цели выпущенная тем же издательством преподавателей московского университета брошюра Н. Езерского «Почему нельзя верить немцам» (Ц. 15 к.), соединяющая простоту с живостью и естественностью изложения.

Спрос на популярную литературу порой заставляет писателей делать попытки издания в виде брошюр своих газетных статей. Такова «брошюра» г. М. Арцыбашева (Записки писателя. «Война». Издательство газеты «Свобода». Ц. 25 к.). Но те парадоксы, которые больше или меньше допустимы в газетных статьях, приобретают особенно грубый характер в предназначенной для широких масс брошюре. Такие опыты бросания в народ лозунгов-парадоксов представляются нам крайне неуместными. Вряд ли поучительны такие изречения: «Инстинкт знает только один закон: стремление к сохранению своего собственного существования и захват возможно большого количества благ и наслаждений». Пессимизм г. Арцыбашева идет еще дальше: «можно и должно признать раз и навсегда, что все прекрасные слова о войне за освобождение и о борьбе с империализмом—так же бессмысленны и лживы, как вопли Германии о покушении на нее». Вслед за этим автор выдвигает лозунг: в вопросе войны все должны молчать и слушать «что скажет армия», а кончает ничем не связанным с предыдущим восклицанием «война без аннексий и контрибуций,

но война до победы». Такие «брошюры» в лучшем случае совершенно бесполезны.

Удачны две брошюры о войне, изданные «Задругой». Одна из них принадлежит М. А. Осоргину. «Про нынешнюю войну и про вечный мир». (Ц. 20 к.); она отличается простым искренним тоном и проникнута здоровым оптимизмом. Н. П. Огановский в брошюре «Отчего загорелась великая европейская война» с большой полнотой и ясностью излагает причины возникновения войны, выводя их из состояния германской промышленности и попутно затрагивая колониальный и славянский вопросы. Обе брошюры, написанные простым языком, доступны широким массам.

Легко и с интересом читается брошюра К. В. Сивкова «Великая европейская война сто лет назад и теперь», изданная также «Задругой». (Ц. 30 к.), проводящая историческую параллель настоящей войны с войной 12-го года.

В брошюре В. В. Водовозова «Война и революция» выясняется точка зрения трудовой группы, разделяющей в общих чертах принципы декларации Временного Правительства. Подчеркивается отказ от всяких завоевательных целей, а подробное выяснение условий заключения мира откладывается до Учредительного Собрания, до созыва которого «Временное Правительство должно вести войну со всевозможной энергией, ни в каком случае не навязывая странам невыгодного мира».

Брошюра В. Лонского «Как должна быть окончена война», имея все признаки кустарного производства, расплывчатая по содержанию, развивает оборонческую точку зрения и подчеркивает недопустимость сепаратного мира и ведущего к нему братанья.

Мы считаем долгом всячески предостерегать против таких «произведений печати», как анонимная брошюра «Что говорят противники войны». (Издательство «Народоправство», типография В. Венгерова). Здесь проводится неосуществленный и отвергнутый жизнью манифест Базельского социалистического конгресса 1912 года, программа германской социаль-демократической группы Спартак, которой так бездарно подражают наши большевики и воззвание второй Циммервальдской конференции, выдвигающее лозунг «долой войну». В заключение приводится некий неподписанный «манифест о русской революции», призывающий рабочих всех стран к «борьбе против войны».

Плоды этой пропаганды, нигде не пользующейся успехом, кроме России, и отравляющей темные массы бессознательных рабочих и солдат—налицо. Борьба с ней—одна из неотложных задач всякого сознательного гражданина, а предостерегать от посвященной ей литературы—прямая обязанность обозревателя.

Б. Савинич

ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ.

Вести в наши бурные дни культурно-просветительную работу, учить народные массы азбуке исторических, правовых и социальных знаний, будить в них чувство ответственности за судьбу родины,—такова задача Московской Просветительной Комиссии при Временном Комитете Государственной Думы. Редакционное бюро Комиссии,—в состав его входят: проф.

Н. Н. Алексѣевъ, Н. А. Бердяевъ, проф. Б. П. Вышеславцевъ и Георгій Чулковъ,—издаетъ нашъ безпартийный еженедѣльный журналъ «Народоправство», въ которомъ напечатаны статьи: проф. Н. Н. Алексѣева, Н. А. Бердяева, проф. Б. П. Вышеславцева, А. А. Евдокимова, Бориса Зайцева, Н. М. Иорданскаго, Бориса Кремнева, Народоправца, Ивана Новикова, В. В. Островскаго, А. Пойминова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, Гр. Алексѣя Толстого, проф. В. М. Устинова, прапорщика Ушакова, проф. М. И. Фрийдмана, Влад. Ходасевича, С. Г. Чалхушьяна и Георгія Чулкова.

Ставя своею цѣлью широкое распространение политическаго образования, Московская Просвѣтительная Комиссія предпринимаетъ, подъ редакцией проф. Н. Н. Алексѣева, издание ряда книгъ и брошюръ на социальные, политико-экономическія, политическія и историческія темы, причемъ всѣ издания Комиссіи являются строго безпартийными. Вышли въ свѣтъ брошюры: пр.-доц. Н. П. Ануфриева—Новѣйшая республиканская конституція (Португалия). 40 к., пр.-доц. Н. П. Ануфриева—Два русскихъ учредительныхъ собранія (1613—и 1917 г.). 30 к., Н. А. Бердяева—Народъ и классы въ русской революціи. 25 к., Н. А. Бердяева—Возможна ли социальная революція. 30 к., Е. Борисова—Гражданинъ и обыватель. 30 к.; А. Оглина—Армія въ демократическомъ государствѣ. 30 к. Появятся въ ближайшее время слѣдующія брошюры: проф. Н. Н. Алексѣева—Что такое социализмъ; проф. Б. П. Вышеславцева—Анархизмъ; Б. Г. Грачева—Государство и церковь въ смутное время; пр.-доц. С. Ф. Кечекьяна—Что такое свобода; проф. Е. В. Спекторскаго—Что такое конституція; проф. В. М. Устинова—Власть народа; Евгения Чирикова—Душевный разговоръ про монархію и республику; Георгія Чулкова—Михаилъ Бакунинъ и современный «большевизмъ»; проф. А. С. Яценко—Федерализмъ; проф. Н. М. Соболева—Земельный вопросъ; Н. Ф. Езерскаго—Что хотѣли мы и чего хотятъ наши союзники; проф. А. А. Рождественскаго—Пропорциональные выборы; проф. А. А. Рождественскаго—Что нужно знать каждому гражданину объ Учредительномъ Собраніи; проф. В. М. Устинова—Монархія и республика; пр.-доц. Фиолетова—Государство и церковь; В. Островскаго—Прямое народное законодательство; Бориса Зайцева—Бесѣда о войнѣ и В. Байкова—Страхованіе отъ безработицы.

Стремясь къ конкретному выясненію главныхъ вопросовъ современности, Московская Просвѣтительная Комиссія готовитъ къ печати: наглядный атласъ съ объяснительнымъ текстомъ: «Что такое аннексія и самоопредѣленіе народностей».

Въ ближайшее время будетъ изданъ, подъ редакцией проф. Е. И. Ефимова, политическій словарь, предназначенный для широкихъ народныхъ массъ. Словарь займетъ около десяти печатныхъ листовъ, причемъ различные отдѣлы будутъ поручены виднымъ специалистамъ и, такимъ образомъ, къ составленію популярнаго словаря, дающаго основы политическіихъ знаний, будетъ примѣненъ методъ составленія большихъ энциклопедій.

Въ стремленіи къ новымъ, недопусканнымъ прежнимъ самодержавнымъ строемъ формамъ просвѣтительной дѣятельности Комиссія предполагаетъ созданіе безпартийнаго демократическаго клуба, объединяющаго представителей интеллигенціи съ народными массами.

Кромѣ того Комиссіей проектируется изданіе пѣлаго ряда учебныхъ и научныхъ книгъ, народной газеты и организація центрального книжнаго склада, который долженъ явиться пространительнымъ аппаратомъ для изданій Комиссіи и одобренной ею литературы.

МОСКОВСКИЙ СОЮЗЪ ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Еще до революціи среди кооперативовъ наблюдалась тяга въ культурно-просвѣтительной работѣ. Теперь, когда въ этой области открываются широкія возможности, Московскій Союзъ Потребительныхъ Обществъ, объединяющій вокругъ себя болѣе ста сорока союзовъ потребительныхъ обществъ, удѣляетъ просвѣтительной дѣятельности огромное вниманіе. Его культурно-просвѣтительный отдѣлъ выработалъ, для навстрѣчу назрѣвающимъ запросамъ со стороны населенія, организованнаго въ кооперативы, обширный планъ дѣятельности. Въ этомъ интересномъ планѣ прежде всего выясняется идея культурно-просвѣтительной работы.

Самый цѣнный путь развитія народа,—по мнѣнію отдѣла,—это не регламентация сверху, а путь органически, т.-е. постройка снизу. Въ революціонные моменты стройка идетъ сверху, но содержаніе наполняется снизу. Люди объединяются сперва на интересахъ материальныхъ; только впоследствии это объединеніе переходитъ къ обслуживанію духовныхъ интересовъ. Это естественный органический путь. Кооперативы даютъ этому лучшее доказательство. Кооперативы возникаютъ сначала для обслуживанія материальныхъ нуждъ, а затѣмъ переходятъ къ расширенному дѣятельности къ обслуживанію культурныхъ потребностей. Надо поддерживать связь между отдѣльными отрядами культурныхъ работниковъ. Необходимъ центръ, связанный съ областями, обслуживающей организованно и регулярно области. Надо, чтобы центръ связывался съ областными центрами регулярнымъ получениемъ ежемѣсячныхъ свѣдѣній съ мѣста, а съ другой стороны посылкой на мѣста всѣхъ новостей въ области культурно-просвѣтительной работы. Необходимо завести институтъ постоянныхъ корреспондентовъ по культурно-просвѣтительной дѣятельности. Институтъ постоянныхъ корреспондентовъ по вышесказанному образованно существуетъ, напр., въ Америкѣ. Корреспондентъ ежемѣсячно пишетъ въ центръ, что дѣлается въ области по культурно-просвѣтительной дѣятельности, ежемѣсячно получаетъ изъ центра весь новый матеріалъ (брошюры, книги, таблицы и проч.). Такимъ образомъ, корреспондентъ въ своей мѣстности является лицомъ наиболѣе осведомленнымъ въ этой области, онъ всегда въ состояніи дать желающимъ всякую справку, указанія и т. д.

Интересенъ методъ Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла, примѣняемый для заочной подготовки лекторовъ на мѣстахъ. Въ отдѣлѣ, при участіи специалистовъ, составляются по отдѣльнымъ вопросамъ конспекты, заключающие подробно разработанный планъ цикла лекцій и сопровождающіе указаніемъ литературы и пособій. Уже составлены конспекты по вопросамъ: государственное право, государство и церковь, мѣстное самоуправленіе, политическая экономія, аграрный вопросъ, продовольственный вопросъ, рабочий вопросъ, кооперация и революція, финансовый вопросъ, національный вопросъ, социализмъ и методика лекторской работы.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ МОСКОВСКАГО СОВѢТА СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Интереснымъ начинаніемъ Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла Московскаго Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ является изданіе иллюстрированнаго двухнедѣльнаго литературно-художественнаго журнала «Путь освобожденія», первый номеръ котораго вышелъ на-дняхъ. Цѣлью журнала является удовлетвореніе потребности въ большомъ культурно-просвѣтительномъ демократическомъ журналѣ. Намѣчено три отдѣла: историческій, беллетристическій и отдѣлъ истории искусства, гдѣ, на ряду съ исторіей театра, живописи и музыки, будутъ выдвинуты вопросы демократическаго искусства нашихъ дней. Въ первомъ номерѣ напечатаны статьи: И. Алексѣева—«Что такое социализмъ», Б. Манджоса—«А. Н. Радищевъ», О. Минора—«Освобожденіе», статья Максима Горькаго, гдѣ говорится: «искусство, наука, промышленность,—основы культуры, и, если мы истинно желаемъ сдѣлать нашу жизнь красивой, разумной, богатой, мы должны посвятить силы наши искусству, наукѣ, промышленности»; статья Игоря Грабаря—«Русская народная живопись», посвященная иконописи и иллюстрированная снимками ряда прекрасныхъ древнерусскихъ иконъ, стихотвореніе Валерія Брюсова и др.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: К. Афанасьевъ, К. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ, Максимъ Горькій, Игорь Грабарь, Борисъ Зайцевъ, Павелъ Кузнецовъ, К. Коровинъ, Н. Крымовъ, П. Кончаловскій, И. Машковъ, О. Миноръ, К. Петровъ-Водкинъ, Алексѣй Толстой, Викторъ Черновъ, Георгій Чулковъ и другіе.

Журналъ, являющійся первой попыткой изданія художественнаго демократическаго журнала, несмотря на неприятную и трудно прѣмлемую «новую орфографію», производитъ благоприятное впечатлѣніе содержательностью и серьезностью, и спокойствіемъ тона и заслуживаетъ широкаго распространенія.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.